

10 Августа № 23-й. 1910 года.

ПОЛТАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

ВЫХОДЯТЪ ТРИ РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

Цѣна годовому изданію, съ доставкой и пересылкой, 6 руб.

Адресъ редакціи: г. Полтава, Полтавская духовная семинарія.

I.

Архіерейскія служенія.

Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Георгіемъ, Епископомъ Прилукскимъ, совершены слѣдующія Бого-служенія:

18 іюля, воскресенье, совершена Божественная литургія въ Полтавскомъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ, на которой возведенъ въ санъ протоіерея священникъ Р.-Богородичной церкви села Половой, Прилукскаго уѣзда, Авимъ Вѣлый и рукоположенъ въ санъ священника діаконъ Троицкой церкви села Боготницы, Прилукскаго уѣзда, Ілія Сенько.

19 іюля, понедѣльникъ, отслужено всенощное бдѣніе въ томъ же монастырѣ.

20 іюля, вторникъ, Св. Пророка Іліи совершена Божественная литургія въ томъ же монастырѣ, на которой рукоположенъ въ санъ священника діаконъ Рождество-Богородичной церкви с. Жовнина, Золотоношскаго уѣзда, Димитрій Озирскій.

22 іюля, четвергъ, совершена Божественная литургія въ Полтавскомъ кафедральномъ Успенскомъ соборѣ, на которой возведенъ въ санъ протоірея священникъ Николаевской церкви села Коровинець, Роменскаго уѣзда, Θεодотъ Греченко; послѣ литургіи Преосвященнымъ съ градскимъ духовенствомъ отслуженъ молебень по случаю дня тезоименитства Ея Императорскаго Величества Родительницы Государя Императора Государыни Императрицы Маріи Θεодоровны.

25 іюля, воскресенье, совершена Божественная литургія въ томъ же кафедральномъ соборѣ, на которой рукоположенъ въ діакона Р.-Богородичной церкви с. Хорошковь, Лубенскаго уѣзда, окончившій курсъ богословскихъ наукъ въ Полтавской духовной семинаріи Григорій Гонтаровскій; послѣ литургіи Преосвященнымъ съ градскимъ духовенствомъ отслужена была панихида по скончавшимся членамъ Полтавскаго отдѣла Православнаго миссіонерскаго общества.

30 іюля, пятница, совершена Божественная литургія въ томъ же кафедральномъ соборѣ, на которой рукоположенъ въ санъ священника діаконъ Григорій Гонтаровскій и во діакона окончившій курсъ Полтавской духовной семинаріи Владиміръ Симоновъ; послѣ литургіи Преосвященнымъ съ градскимъ духовенствомъ отслужено молебствіе по случаю дня рожденія Его Императорскаго Высочества наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.

1 августа, воскресенье, совершена Божественная литургія въ Полтавскомъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ, на которой рукоположенъ въ санъ священника діаконъ Владиміръ Симоновъ и во діакона окончившій курсъ Курской духовной семинаріи Митрофанъ Благовѣщенскій.

II.

Распоряженія Єпархіального Начальства.

Рукоположены въ санъ священника: 18 іюля діаконъ Свято-Троицкой церкви села Блотницы, Прилукскаго у., Илія Сенько къ Васильевской церкви села Кропивинець, Роменскаго уѣзда; 20 іюля діаконъ Р.-Богородичной церкви

с. Жовнина, Золотоношскаго у., Димитрій *Озирскій* къ Преображенской церкви с. Еремѣвки того же уѣзда, на 2-е мѣсто; 30 іюля псаломщикъ Р.-Богородичной церкви с. Хорошковъ, Лубенскаго уѣзда окончившій курсъ богословскихъ наукъ въ Полтавской духовной семинаріи Григорій *Гонтаровскій* къ Троицкой церкви с. Чернечей-Слободы, Роменскаго уѣзда, на 2-е мѣсто; 1-го августа учитель церковно-приходской школы въ приходѣ Покровской церкви Посада Крюкова, окончившій курсъ той же семинаріи Владиміръ *Симоновъ* къ Николаевской церкви села Озерянь, Лохвицкаго уѣзда.

Назначенъ 10 іюля заштатный діаконъ Крестовоздвиженской церкви с. Остаповки, Лубенскаго уѣзда; Павель *Скибинъ* къ той же церкви на псаломщическое мѣсто.

Награжденъ скуфьею священникъ 10 іюля соборной Успенской церкви города Миргорода Іосифъ *Комарецкій* за отлично-усердную пастырскую службу.

Предоставлены священническія мѣста: 12-го іюля учителю Блотницкаго народнаго училища, Прилукскаго уѣзда, окончившему курсъ богословскихъ наукъ въ Полтавской духовной семинаріи Гордію *Мартыненко* при Михайловской церкви села Хоминець, Роменскаго уѣзда, 2-е мѣсто; бывшему учителю церковно-приходской школы въ приходѣ Р.-Богородичной церкви м. Бѣликъ, Кобелякскаго у., окончившему курсъ богословскихъ наукъ въ семинаріи Архипу *Авдѣву* при Покровской церкви села Ивахниковъ, Лохвицкаго у., 2-е мѣсто; діакону Михайловской церкви села Любарецъ, Переяславскаго уѣзда, Петру *Голобородько* при Троицкой церкви с. Келебарды, Золотоношскаго уѣзда; діакону Успенской церкви с. Песокъ, Лохвицкаго уѣзда, Александру *Котъ-Овдѣнко* при Троицкой церкви м. Княжей-Луки, Хорольскаго уѣзда; 19-го іюля окончившему курсъ Полтавской духовной семинаріи Александру *Максимовичу* при Успенской церкви с. Мажарки, Константиноградскаго уѣзда.

Опредѣлены и. д. псаломщика: 4 іюля крестьянинъ Рязанской губ., Даньковскаго уѣзда, Даевской волости дер. Апрексиной Василій *Муратовъ* къ Крестовой цер. Полтавскаго архіерейскаго дома; запасной старшій унтеръ-офицеръ Лазарь *Саливановъ* къ Михайловской церкви с. Мицаловки, Золотоношскаго уѣзда; пѣвчій Полтавскаго

Крестовоздвиженскаго монастыря *Іаковъ Тонконогъ* къ Крестовоздвиженской церкви м. Березовой-Луки, Миргородскаго у., на 1-е мѣсто; козакъ *Адрианъ Чалый* къ Троицкой церкви села Нехристовки, Лохвицкаго уѣзда; пѣвчій Переяславскаго архіерейскаго дома *Моисей Раковъ* къ Троицкой цер. с. Диканьки Полтавскаго уѣзда, на 2-е мѣсто; сынъ священника *Василій Гиренко* къ Покровской цер. с. Калиновки, Роменскаго уѣзда; псаломщикъ церкви города Тулы *Порфирій Батюкъ* къ Алексѣевской церкви села Тимошевки, Гадячскаго уѣзда, временно; псаломщикъ крестовой церкви Полтавскаго архіерейскаго дома *Косма Воронай* къ Троицкой церкви с. Власавки, Зѣньковскаго уѣзда; 12 іюля сынъ псаломщика *Михаилъ Михайловскій* къ Вознесенской церкви с. Рясскаго, Константиноградскаго уѣзда; 6-го іюля бывший псаломщикъ *Іоанно-Богословской* церкви села Оробьевъ, Лубенскаго у., *Іаковъ Каневскій* къ Р.-Богородичной церкви м. Воронькова, Переяславскаго уѣзда, на 2-е мѣсто; 16-го іюля и. д. псаломщика *Варваринской* церкви села Чернобай, Золотоношскаго у., *Павель Цюцюрманъ* псаломщикомъ.

Перемѣщены священники: 12-го іюля *Успенской* цер. с. Юсковецъ, Лубенскаго уѣзда, *Петръ Бельговскій* къ *Андреевской* церкви с. Колайдинецъ, того-же уѣзда; 19-го іюля *Успенской* цер. с. Можарки, того-же уѣзда, *Косма Жуменко* къ *Троицкой* церкви села Натальина, того-же уѣзда; *Андреевской* цер. с. Калайдинецъ, Лубенскаго уѣзда; *Петръ Кудрявцевъ* къ *Михайловской* церкви с. Ольшаны, Прилукскаго уѣзда; благочинный 5 округа, Лубенскаго у., *Успенской* церкви м. Яблупова, *Гаврииль Коваленко* къ *Николаевской* цер. города Полтавы, на 2-е мѣсто; *Георгіевской* церкви села Гапоновки, Лохвицкаго уѣзда, *Николай Комарецкій* къ *Христо-Рождественской* церкви м. Сенчи, того-же уѣзда, *Р.-Богородичной* церкви с. Чернечей-Слободы, Роменскаго уѣзда, *Сергій Кривошеевъ* къ *Покровской* цер. м. Опонне, Зѣньковскаго уѣзда; *Троицкой* цер. села Натальина, Константиноградскаго уѣзда *Никита Черняшевскій* къ *Троицкой* церкви м. Спѣтина, Лубенскаго уѣзда; 6-го іюля *діаконъ* Р.-Богородичной церкви с. Вороньковъ, Переяславскаго у., *Симеонъ Юрченко* на 1-е псаломщическое мѣсто; 3-го іюля *псаломщики:* *Преображенской* церкви с.

Глизка, Зѣньковскаго у., Іаковъ *Мильевскій* и Николаевской церкви с. Николаевки, того-же уѣзда Теодоръ *Васильевъ* одинъ на мѣсто другого; Вознесенской церкви м. Пустовойтова, Кременчугскаго у., Аѳанасій *Ляно* и Петро-Павловской церкви с. Рудовки, Прилукскаго у., Константинъ *Облапа* одинъ на мѣсто другого; Михайловской церкви с. Худолѣвки Хорольскаго уѣзда Алексѣй *Гетманъ-Кравченко* и Николаевской церкви с. Борокъ, Гадячскаго уѣзда Георгій *Храналь* одинъ на мѣсто другого; Михайловской церкви села Ерковецъ, Переяславскаго уѣзда Василій *Штепенко* къ Р.-Богородичной церкви с. Хорошковъ, Лубенскаго уѣзда; Михайловской ц., с. Мицаловки, Золот. у., Николай *Сагарда* къ Вознесенской п. с. Червокъ, Лубенскаго у.; 7-го іюля Троицкой ц. с. Диканьки, Полтавскаго у., Василій *Батракъ* къ Михайловской ц. с. Ерковецъ, Переяславскаго у., на 1-е мѣсто; 15-го іюля Захаріе-Елизаветинской церкви с. Шляховой, Константиноградскаго уѣзда, Андрей *Фрулевскій* и Георгіевской церкви с. Луки, Лохвицкаго уѣзда, Георгій *Шепель* одинъ на мѣсто другого; церкви с. Луки Андрей *Коваленко* на 1-е мѣсто, а Андрей *Фрулевскій* на 2-е мѣсто.

Утверждены въ должностяхъ 9-го іюля священникъ Вознесенской церкви с. Вознесенска, Константиноградскаго у. Петръ *Шереметинскій* законоучителемъ Ольхово-Роискаго 2-хъ классаго министерскаго училища на мѣсто Андрея *Прокоповича*; 16 іюля благочинный 1-го округа Хорольскаго уѣзда, протоіерей соборной Успенской церкви города Хорола Василій *Никифоровъ* представителемъ отъ духовенства для участія въ засѣданіяхъ городской думы на 4-хъ лѣтіе съ 1910 года. 15 іюля временно исполняющій должность благочиннаго 5-го округа, Гадячскаго у., свящ. Подольской цер. с. Великихъ-Будищъ Аркадій *Савченко* и. д. благочиннаго.

Уволенъ за штатъ согласно прошенію 11 іюля священникъ Троицкой церкви с. Натальина, Константиноградскаго уѣзда, Николай *Перемезскій*; 1-го іюля протоіерей Христо-Рождественской церкви м. Сенчи, Лохвицкаго уѣзда, Алексѣй *Савченко*; 4-го іюля псаломщики: Р.-Богородичной церкви с. Подолокъ, Гадячскаго уѣзда, Василій *Яновскій*; 9-го іюля Троицкой церкви с. Власовки, Зѣньковскаго уѣзда, Палладій *Герасимовскій*; 10-го іюля Крестовоздвиженской церкви с. Остаповки,

Лубенскаго у., Константинъ *Скибинъ*; 9-го іюля сверхштатный псаломщикъ Ильинской церкви села Великихъ-Будищъ, Гадячскаго уѣзда Іоаннъ *Дуброва*; 10-го іюля псаломщики: Свято-Духовской церкви села Богодуховки, Золотоношскаго уѣзда, Георгій *Чижевскій*; Алексѣевской церкви с. Тимоѣевки, Гадячскаго у., Тимоѣей *Довгаль*.

Отчисленъ отъ должности 18 іюля 2-й псаломщикъ Преображенской церкви, села Бобрика, Роменскаго уѣзда Іоаннъ *Шишацкій*.

Устранены отъ занимаемыхъ мѣстъ: 29 мая священникъ Вознесенской церкви с. Ряскаго Константиноградскаго у., Георгій *Леусовъ*,—съ запрещеніемъ священнослуженія; 4 іюля и. д. псаломщика Николаевской цер. м. Орлика, Кобелякск. у., Стефанъ *Письменный*; 17 іюля 2-й священникъ Покровской цер. с. Ивахниковъ, Лохвицкаго у., Маркелль *Семинъ*, съ запрещеніемъ священнослуженія.

Умершіе исключаются изъ списковъ 25 іюля псаломщики: Покровской цер. с. Калиновки, Роменск. у., Евгений *Терешкевичъ*, 10 января Троицкой цер. с. Вельбовки, Гадячскаго у., Павелъ *Савицкій*; 18 іюня Вознесенской цер. с. Ряскаго, Константиноградскаго у., Василий *Засядко*.

Извѣстія и Объявленія.

О просвѣщенныхъ святымъ крещеніемъ.

III.

Просвѣщены св. крещеніемъ изъ евреевъ: 8 марта мѣщ. города Полтавы Хацкель Мееровичъ *Руфъ*, 45 лѣтъ, миссіонеромъ—священникомъ Полтавской Срѣтенской церк., Іоанномъ *Петровскимъ*, съ нареченіемъ имени «*Іаковъ*», при воспріемникахъ Полтавскомъ мѣщанинѣ Стефанѣ Григорьевичѣ *Соломяновѣ* и крестьянкѣ Маріи Ипполитовнѣ *Губарь*; 12 апрѣля Кіевской губ. Чигиринскаго у., Пвѣтіанской волости земледѣлецъ Сосновской волости Мейлахъ Янкелевъ *Умановскій*, 24 лѣтъ, *тѣмъ же миссіо-*

неромъ, съ нареченіемъ имени «*Михаилъ*», при воспріемникахъ: коллежскомъ ассесорѣ Ананіи Ивановичѣ *Коломенскомъ* и женѣ управляющаго Полтавской Казенной палатой Вѣрѣ Ивановнѣ *Шевцовой*. 5 іюня дочь мѣщанина Ново-Александровскаго у. Люблинской губ., Мина Држевеца, Ноеха Завелева *Шнайзера-Хана*, 20 лѣтъ *тѣмъ же миссіонеромъ* съ нареченіемъ имени «*Анна*», при воспріемникахъ: коллежскомъ регистраторѣ Николаѣ Ивановичѣ *Клочко* и мѣщанкѣ Даріи Трофимовнѣ *Шеферъ*; 10 іюня дочь мѣщанина г. Вознесенска Херсонской губ. Шлемы Шмулевича *Сайдаковскаго-Буня*, 22 лѣтъ, *тѣмъ же миссіонеромъ* съ нареченіемъ имени «*Евдокія*», при воспріемникахъ: козакѣ Евфиміи Ивановичѣ *Запорожецъ* и мѣщанкѣ г. Полтавы Маріи Петровнѣ *Брезницкой*; 11 іюня личный почетный гражданинъ Александръ Шлемовъ *Воновичъ*, 20 лѣтъ *тѣмъ же миссіонеромъ*, съ нареченіемъ имени «*Александръ*», при воспріемникахъ: личномъ почетномъ гражданинѣ Сергіѣ Георгіевичѣ *Лойко* и женѣ надворнаго совѣтника Валентинѣ Николаевнѣ *Орловой*; 15 іюня мѣщанинъ Могилевской губ. города Чаусъ Элле Гилель Эхіелевъ *Бѣлинкинъ*, 32 л., *тѣмъ же миссіонеромъ*, съ нареченіемъ имени «*Илія*», при воспріемникахъ: почетномъ гражданинѣ города Сумъ Харьковской губ., Александрѣ Павловичѣ *Новиковъ* и женѣ купца Параскевѣ Тимоѣевнѣ *Водяницкой*; 19 іюня личный почетный гражданинъ и кандидатъ коммерціи Ілія Насильевичъ *Кричевскій*, 21 г., *тѣмъ же миссіонеромъ*, съ оставленіемъ прежняго имени, при воспріемникахъ: студентѣ С.-П. поллитехническаго института Александрѣ Порфирьевичѣ *Ткаченко* и дочери священника Александрѣ Константиновнѣ *Гапановичъ*.

Присоединены: изъ старообрядцевъ Австрійскаго толка 8 мая мѣщанка села Каменской Екатеринославской губ. Марина Алексѣевна *Брюшина*, 18 л., *тѣмъ же миссіонеромъ*, съ оставленіемъ прежняго имени; *изъ мотеранъ*: 13 мая дочь слесаря Бергада *Нейвиръ* Анна, 22 лѣтъ, *тѣмъ же миссіонеромъ*, съ оставленіемъ прежняго имени.

О Т Ч Е Т Ъ

Казначея Совѣта Полтавскаго Епархіального Свято-Макарьевскаго Братства за 1909 годъ.

І. П Р И Х О Д Ъ.

А. Остатокъ отъ прошлаго 1908 года.

а) членскихъ взносовъ и единовременныхъ пожертвованій	3246 р. -- »
б) трехрублевого взноса на церковныя бібліотеки	7195 р. 7 к.
в) поступленій изъ склада братства	333 р. 50 к.
г) взносовъ на образованіе миссіонерскаго фонда	176 р. 49 к.
д) по статьямъ разнаго рода	193 р. 98 к.

Б. Въ 1909 году поступило:

а) членскихъ взносовъ и единовременныхъ пожертвованій 2740 р. 61 к., $\frac{0}{100}\%$ изъ Государственнаго Банка 208 руб. 76 к., получено отъ Богословскихъ чтеній 97 р. 55 к., отъ священника Мих. Орды предназначенныя для расходовъ по содержанію читальни, какъ неизрасходованныя по назначенію, въ виду закрытія читальни на 1½ мѣсяца — 30 руб.; перечислено изъ суммъ трехрублевого взноса 3500 руб. и отъ протоіерея І. Ольшевскаго, взятые имъ заимообразно — 160 руб., а всего	6736 р. 92 к.
б) трехрублевого взноса	3135 р. — »
в) поступленій изъ книжнаго склада	22395 р. 5 к.
г) на стипендіи при образцовой школѣ Епархіального женскаго училища и Лубенской второкласной школы	27 р. 48 к.
д) на образованіе миссіонерскаго фонда	28 р. 75 к.
е) по статьямъ разнаго рода	258 р. 84 к.
Итого	32582 р. 4 к.

А всего съ остаткомъ отъ 1908 года
поступило 43727 р. 8 к.

II. РАСХОДЪ.

По книгамъ казначея Братства.

А. Изъ братскихъ суммъ:

а) жалованье служащимъ въ Совѣтъ братства	846 р. 90 к.
б) пособіе благотворительнымъ учрежденіямъ, бѣднымъ и нуждающимся лицамъ	451 р. — »
в) пособіе церковнымъ школамъ	1095 р. — »
г) почтовые расходы и гербовыя марки	8 р. 61 к.
д) канцелярскіе и мелочные расходы	125 р. 82 к.
е) роздано иконъ Іоанна Златоустаго ученикамъ церковныхъ школъ въ память 200 лѣтія	12 р. 15 к.
ж) содержаніе читаленъ	570 р. — »
з) на веденіе богословскихъ чтеній	180 р. — »
и) выданъ архіерейскому хору за пѣніе въ общемъ собраніи братчиковъ 15 іюля 1909 года	25 р. — ».
і) протоіерею Іустину Ольшевскому заимообразно	160 р. — ».
Итого	3474 р. 48 к.

Б. Трехрублевого взноса.

а) авторамъ и издателямъ	2508 р. 1 к.
б) доставка, упаковка и разсылка книгъ	155 р. 33 к.
в) перечислено въ членскіе взносы и пожертвованія	3500 р. — »
Итого	6163 р. 34 к.

В. Расходы по складу.

Уплачено за товары и пересылку денегъ	20560 р. 70 к.
Г. Изъ миссіонерскаго фонда	25 р. 16 к.
Д. По статьямъ разнаго рода	336 р. 29 к.
Всего израсходовано	30559 р. 97 к.

III. Остатокъ къ 1910 году.

За вычетомъ изъ общей суммы прихода	43727 р. 8 к.
Общей суммы расхода	30559 р. 97 к.
Къ 1-му января 1910 года остается	13167 р. 11 к.

Въ томъ числѣ:

По книгамъ казначея братства.

а) членскихъ взносовъ и пожертвованій	6508 р. 44 к.
б) трехрублеваго взноса	4166 р. 73 к.
в) поступленийъ изъ книжнаго склада	2167 р. 85 к.
г) взносовъ миссіонерскаго фонда	180 р. 8 к.
д) по статьямъ разнаго рода	116 р. 53 к.
е) на стипендіи	27 р. 48 к.
<hr/>	
Итого	13167 р. 11 к.

Остаточная сумма заключалась:

а) въ наличныхъ деньгахъ на рукахъ у казначея Братства	88 р. 34 к.
б) въ Полтавскомъ Отдѣленіи Государственнаго Банка по книжкѣ безсрочныхъ вкладовъ за № 7815	6290 р. 23 к.
в) въ томъ же Отдѣленіи Банка по книжкѣ Сберегательной кассы за № 21010	555 р. 3 к.
г) въ томъ же Отдѣленіи по книжкѣ той же кассы № 37558	2827 р. 91 к.
д) въ томъ же Отдѣленіи по роспискѣ № 7884 одинъ листъ Государственной 4% ренты	100 р. — »
е) по контръ-маркѣ за № 111—27 листовъ Государственной 4% ренты по 100 рублей каждый, приобрѣтенныхъ за	2678 р. 80 к.
ж) по книжкѣ Сберегательной кассы при Полтавской почтово-телеграфной конторѣ № 12244	626 р. 80 к.
<hr/>	
Итого	13167 р. 11 к.

Запаснаго капитала къ 1-му января 1909 года числилось 3359 руб. 86 коп., въ 1909 году онъ увеличился, согласно § 15 устава на 137 р. 3 коп. Итого запаснаго капитала къ 1-му января 1910 года состоитъ 3496 рублей 89 коп.

О СБОРѢ

пожертвованій въ пользу вдовъ и сиротъ русскихъ воиновъ, убитыхъ и раненыхъ на Дальнемъ Востокѣ.

На отношеніи Комитета Воинскаго Благотворительнаго Общества Вѣлаго Креста, отъ 8 іюня 1910 года за № 1064, съ просьбою благословить разрѣшенный Святѣйшимъ Синодомъ сборъ пожертвованій въ церквахъ въ день Богоявленія Господня—6 января 1911 года, для оказанія помощи вдовамъ и сиротамъ Русскихъ воиновъ, убитыхъ и раненыхъ на Дальнемъ Востокѣ, и о подтвержденіи чрезъ напечатаніе въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ состоявшагося о семъ сборѣ опредѣленія Святѣйшаго Синода, резолюція Преосвященнаго Іоанна, Епископа Полтавскаго и Переяславскаго, послѣдовала такая: „Богъ да благословитъ доброе дѣло оказанія помощи вдовамъ и сиротамъ Русскихъ воиновъ, убитыхъ и раненыхъ на Дальнемъ Востокѣ. Консисторія не замедлитъ распорядиться объявленіемъ о сборѣ чрезъ напечатаніе въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“.

О сборной книгѣ.

Полтавскою Духовною Консисторіею отъ 23 іюня 1910 года за № 16594, выдана сборная книга, срокомъ на одинъ годъ, на имя казака Ивана Климентіева Кирилленко для сбора добротныхъ пожертвованій въ предѣлахъ Полтавской епархіи въ пользу Архистратига Мпхайловской церкви села Загруновки, Зѣньковскаго уѣзда.

СОВѢТЪ ПОЛТАВСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ о слѣпыхъ объявляетъ, что въ Полтавскомъ Училищѣ слѣпыхъ дѣвочекъ въ настоящее время имѣется нѣсколько бесплатныхъ вакансій. Прошенія надлежитъ подавать не позже 15 августа на имя Совѣта съ приложеніемъ метрической выписи о рожденіи и медицинскаго свидѣтельства о **полной** слѣпотѣ на оба глаза, о неимѣніи никакихъ, кромѣ слѣпоты, физическихъ и умственныхъ недостатковъ. 5—6.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Опредѣленія Святѣйшаго Синода.—II. Архіерейскія служенія.—III. Распоряженія Епархіальнаго Начальства.—IV. Списки учащихся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ епархіи.—V. Призывъ къ покртвованію.—IV. Извѣщенія и объявленія.

Редакторъ официальной части, протоіерей *Н. Ураловъ*.

Разрѣшено мѣстн. духовн. ценз. 10-го августа 1910 года.

10 Августа № 23-й. 1910 года.

ПОЛТАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ. ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

НАДЪ ЕВАНГЕЛІЕМЪ.

«Есть писано во пророцѣхъ: и будутъ вси научени Богомъ. Всякъ слышавый отъ Отца и навѣкъ, придетъ ко Мхъ».

Иоан. VI, 45.

Чѣмъ ни больше всматриваешься въ современную жизнь съ ея наукой и просвѣщеніемъ, тѣмъ яснѣ видишь величайшее и все пока увеличивающееся разсѣяніе сознанія. Гдѣ теперь могучая всеобъемлющая мысль? Гдѣ бодрое сосредоточенно-цѣльное сознаніе? Гдѣ живая бодрость духа, господственно-царящая надъ всѣмъ частнымъ и одностороннимъ? Люди науки всѣ поглощены частностями. Люди съ философскимъ складомъ мысли заняты односторонними обобщеніями и отвлеченіями. Если у первыхъ сознаніе какъ-бы расколodось поперекъ и ушло въ какой-нибудь уголокъ, то у послѣднихъ оно разщепилось вдоль по слоямъ, и они ушли своимъ вниманіемъ въ верхній слой формальныхъ обобщеній. Мнѣ опять напоминаетъ патологическій случай, сообщаемый Бине. У истеричнаго субъекта на анестезированной рукѣ дѣлается пять уколовъ. Больной ничего не чувствуетъ. Но вотъ ему предлагаютъ подумать о какой-нибудь цифрѣ, и онъ именно подумаетъ о пяти; предлагаютъ посмо-

трѣтъ ему на экранѣ не увидить-ли онъ тамъ что-нибудь и онъ видитъ пять точекъ. Что это значить? Субъектъ своимъ сознаниемъ не ощущаетъ боли, не сознаетъ качественного содержанія того, что совершается въ немъ. Однако какимъ-то образомъ до его сознания доходить только количественная сторона факта, его форма. Онъ сознаетъ гдѣ-то въ глубинѣ сознания не пять «уколовъ», а вообще, «пять». Мы видимъ здѣсь одинъ изъ частныхъ примѣровъ разсѣянности и односторонности нашего сознания. Вниманіе обнимаетъ только количественную, формальную сторону, а не качественное, живое ея содержаніе. Такое же разсѣяніе и одностороннее направленіе нашего сознания мы можемъ видѣть и въ томъ случаѣ, когда ученый или философъ замѣчаетъ только количественную механическую сторону открывающихся ему законовъ міра. Его личное сознание настолько слабо или односторонне, что не чувствуетъ и не воспринимаетъ той личной жизни и того духовнаго содержанія, которое открывается въ нихъ.

Просвѣщеніе, какъ будто, нарочно устроено для того, чтобы разсѣвать насъ и готовить къ опытамъ гипнотизаціи и внушенія, которыми полна наша современная жизнь. Въ высокой степени характерный фактъ, что книги вытѣсняются журналами, и надъ послѣдними уже заранѣе торжествуютъ побѣду газетные листки. Ни семья, ни школа не могутъ быть защищены отъ этого вихря разсѣянія. Сознаніе рѣшительно не въ силахъ сосредоточиться и собраться съ силами; оно со всѣхъ сторонъ отвлекается и разрывается; всюду новизна и блескъ мыслей и фактовъ, ничѣмъ между собой не связанныхъ, ловятъ его разсѣянные лучи и поглощаютъ ихъ.

Удивительно-ли, что мы при такомъ разсѣяніи не «слышимъ» Бога ни внутри, ни внѣ? Мы и людей-то не умѣемъ не способны слышать. Мы или изучаемъ ихъ мысли или интересы, или восхищаемся ихъ тѣломъ и одеждой или, привлекаемся какой-нибудь случайной, чертой,—но гдѣ мы найдемъ сердцевицу, который бы чутко, живымъ духомъ, цѣльной душой проникъ въ нашего внутренняго человѣка, смогъ бы откинуть все частное и несущественное и отозваться своимъ сознаниемъ только на то, что составляетъ самое святое святыхъ нашего «я»? Да не только

такихъ сердцеѣдцевъ, гдѣ мы найдемъ теперь вообще трезвыхъ знатоковъ и распознавателей настоящихъ людей? Мы отвлекаемся частностями, насъ очаровываютъ, загнипотизируютъ отдѣльныя черты, и мы изъ за нихъ совсѣмъ не видимъ и не слышимъ человѣка.

Если у насъ не хватаетъ свободы и цѣльности духа, чтобы не поддаваться натиску случайныхъ впечатлѣній отъ своего же ближняго и прислушиваться лишь къ тому, что говоритъ его настоящий человѣкъ, то какъ мы можемъ „услышать“ Бога? услышать въ вихрѣ летучаго безконечнаго многообразія всего нынѣ познаваемаго нами? Какую силу, какую жизненную упругость и цѣльность долженъ имѣть для этого нашъ духъ? И сколько свободной энергіи должно быть устремлено на это? Если нужно много силы, чтобы противиться опытному гипнотизеру въ устроенной имъ обстановкѣ, то сколько же ея надобно, чтобы устоять противъ гипнотизаціи современной жизни и ея просвѣщенія и сохранить свободу и цѣльность духа настолько, чтобы «услышать» въ познаваемой истинѣ живую личность Бога?

Господь именно и призываетъ насъ къ этому подвигу свободы. Это будетъ первый шагъ на пути къ Нему. Сохранить свое сознание отъ ненормальнаго болѣзненнаго разсѣянія и разщепленія, беречь и развивать его силу, цѣльность и жизненную упругость вопреки всѣмъ вреднымъ расслабляющимъ вліяніямъ, возвышать и прояснять его настолько, чтобы оно было способно «услышать», почувствовать цѣльную живую истину, самого Бога, — вотъ первая ступень силы нашего свободного духа на пути восхожденія его въ свою царственную область, гдѣ онъ можетъ прійти ко Христу.

Но не представляетъ ли это непосильнаго для насъ подвига? Если подумать о той стихійной силѣ вихря разсѣянія, которая всюду кружить и охватываетъ насъ, то гдѣ и въ чемъ мы найдемъ опору и помощь, чтобы отстоять живую цѣлостность и гармонию духа? Не долженъ ли этотъ вихрь сокрушить и разметать насъ съ нашими ничтожными предъ нимъ попытками противостоять ему? Какъ мы можемъ „услышать“ живого Бога, когда намъ открываются лишь частныя, мелкія, пока между собою несвязанныя истины, изъ которыхъ мы

еще никакъ не можемъ возсоздать ничего единого. а тѣмъ болѣе цѣльнаго, живаго? Можемъ ли мы изъ отрывочныхъ, случайно долетѣвшихъ до насъ звуковъ какой-нибудь неизвѣстной намъ сложной музыкальной пѣсы воспроизвести всю ее во всей ея жизненной цѣлостности и полнотѣ? Услышать живого Бога среди вихря современныхъ познаній не есть ли еще болѣе трудная и невозможная задача?—На это мы находимъ отвѣтъ въ тѣхъ же словахъ Господа, изъ которыхъ можемъ видѣть, что и опора у насъ есть, чтобы отстоять себя, и задача «услышать» Бога—не съ такимъ безконечнымъ множествомъ неизвѣстныхъ, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда.

«Всякъ, слышавый отъ Отца... придетъ ко Мнѣ», Не какого-нибудь неизвѣстнаго и чуждаго для насъ Бога мы должны стараться «услышать» нашимъ свободно сосредоточеннымъ сознаниемъ, а того самаго Отца, творческая печать котораго уже лежитъ въ глубинѣ нашего собственнаго духа. Вотъ и опора для борьбы; вотъ и облегченіе задачи.

Когда Христосъ говорилъ Иудеямъ, что къ Нему можетъ придти только тотъ, кто услышитъ голосъ Отца, то Онъ этимъ выражалъ ту мысль, что Онъ говоритъ то самое, что они услышали бы, еслибы прислушались къ внутреннему голосу своего собственнаго духа. Онъ не предлагалъ имъ чего-то чуждаго, непосильнаго, что выходило бы за предѣлы ихъ духовныхъ силъ. Совсѣмъ нѣтъ. Пусть они придутъ къ себѣ, войдутъ во внутреннее святилище своей совѣсти, и они услышатъ какъ разъ то самое, что и Онъ говоритъ, и чрезъ это придутъ къ Нему Самому.

Въ томъ и бѣда была современныхъ Христу Иудеевъ, что они всѣ ушли во внѣ, всѣ поглощены были непосильными внѣшними задачами, всѣ отшатнулись отъ своего внутренняго міра, отъ своего религіозно-нравственнаго духа, отъ своего историческаго генія. Они всѣ были какъ-бы въ периферіи своей душевной жизни и на все смотрѣли только извнѣ. Они были религіозны,—но въ чемъ состояла ихъ религія? Во внѣшнемъ исполненіи закона. Они заботились о религіозномъ воздѣйствіи на народъ;—но какъ? Извнѣ. Они были строгіе на-

ціоналисты и патріоты,—но опять, какіе? Чисто внѣшніе. Они политиканствовали, мечтали о земномъ царствѣ Мессіи, о борьбѣ съ Римлянами и пр. Ихъ сознание совсѣмъ не было обращено внутрь, совсѣмъ было оторвано отъ того корня или ствола, который ихъ породилъ. Господь ихъ призываетъ возвратиться къ Себѣ, и тогда они придутъ къ Нему.

Что должно было происходить въ сознаниі тѣхъ Іудеевъ, которые увѣровали въ Іисуса Христа, какъ Господа? Они по ученію и дѣламъ Его увидѣли въ Немъ Бога, голосъ котораго звучалъ въ ихъ собственномъ духѣ. Этотъ голосъ направлялъ всю исторію еврейскаго народа. Онъ дѣйствовалъ въ глубинѣхъ сознания ихъ духовныхъ руководителей на ихъ историческомъ пути, въ носителяхъ и участникахъ ихъ національно-религіознаго генія. Имъ не нужно было напрягать всѣхъ своихъ умственныхъ и душевныхъ силъ куда-то во внѣ, чтобы схватить нѣчто совсѣмъ иное. Нѣтъ, наоборотъ, они должны были услышать самую глубокую свою старину, спуститься къ самому корню своей исторіи, къ живому Богу Авраама. И конечно, должны были сдѣлать это не извнѣ, а извнутри, т. е. въ своемъ собственномъ сердцѣ же ощутить тотъ живой токъ, которымъ питалась и согрѣвалась вся ихъ исторія, въ своемъ же собственномъ сознаниі прояснить тотъ образъ, черты котораго отразились въ дѣятельности ихъ великихъ представителей. И какъ только это происходило, такъ становилось возможнымъ и признаніе Христа. Происходилъ собственно актъ такъ называемой въ психологіи перцепціи, т. е. узнаванія. Воспринимая что-нибудь, мы сейчасъ соединяемъ его съ прежде видѣннымъ и такимъ образомъ узнаемъ его. Иногда достаточно нѣсколькихъ штриховъ, даже одной черты, чтобы воспроизвести прежде видѣнный знакомый образъ, и чтобы новое воспріятіе дополнилось его чертами. Конечно, перцепція тѣмъ легче и вѣрнѣе совершается, чѣмъ интенсивнѣе и опредѣленнѣе прежній образъ. Поэтому, тѣ изъ Іудеевъ, которые носили въ своемъ духѣ болѣе ясную печать своего духовнаго Отца, легче узнавали Господа и легче въ него вѣровали.

Невѣровавшіе въ Господа Іудеи были похожи на тѣхъ больныхъ, которые теряютъ способность узнавать предметы, хотя и воспринимаютъ ихъ. Шарко сообщаетъ, напр., объ одномъ больномъ, что онъ возвращался на родину, и она ему казалась совершенно чужой, онъ встрѣтилъ своихъ жену и дѣтей и не могъ сразу узнать ихъ; одинъ разъ не узналъ даже самого себя, когда увидалъ себя въ зеркалѣ. Вотъ тоже и съ Іудеями. Они видѣли и слушали Господа, ощущали Его силу и вліяніе, и все таки Онъ былъ для нихъ чужимъ, они не угадывали въ Немъ образа. Того, кого они называли своимъ Отцомъ. Они только называли Его своимъ Отцомъ, а на самомъ дѣлѣ не чувствовали Его внутри себя, какъ близкаго родного Отца. Онъ былъ для нихъ внѣшнимъ великимъ Богомъ, создавшимъ исторію ихъ народа и обѣщавшимъ устроить ихъ счастье,—вотъ и все. Они и Христа слушали такъ же извнѣ и потому запутывались и терялись въ открываемыхъ и проясняемыхъ Имъ истинахъ. Если бы они вошли въ глубь своего духа, припомнили давно забытое, возстановили давно затертое, сняли тѣ многочисленные скорлупы и покровы, внутри которыхъ лежало зерно ихъ религіозной личности,—они тамъ услышали бы родной отеческій голосъ, а это помогло бы имъ узнать и Христа.

То же самое имѣетъ полное приложеніе и къ намъ. Чтобы «услышать» живого Бога въ необозримомъ разнообразіи отдѣльныхъ теоретически познаваемыхъ нами истинъ, намъ нужно перцепировать Его тѣмъ образомъ нашего небеснаго Отца, который уже живетъ съ самаго начала нашего бытія въ глубинѣ нашего собственнаго духа. Если этотъ образъ будетъ близокъ и дорогъ намъ, если Его голосъ будетъ для насъ слышенъ, то перцепція будетъ значительно облегчать насъ въ воспріятіи Бога во внѣшнемъ познаніи истины. Даже болѣе того. Мы только потому и можемъ воспринять Бога извнѣ, что имѣемъ Его, какъ Отца внутри. Кто ничего не припоминаетъ въ себѣ, тотъ ничего не увидитъ и не услышитъ и внѣ себя. Неизвѣстнаго себѣ Бога мы никогда и познать и ощутить не можемъ. Нашему духу можетъ открыться и быть воспріятымъ имъ только извѣстный ему и породившій его Отецъ. Поэтому-то, чтобы уловить

тихое дыханіе живого Бога въ шумномъ вихрѣ механическаго знанія и устоять предъ бурнымъ натискомъ послѣдняго, нужно крѣпко и глубоко вросить сознание въ свой внутренній міръ и держать его подъ прямымъ воздѣйствіемъ говорящаго тамъ Отца. Что-же мы видимъ въ себѣ и вокругъ себя въ настоящее время?

Одинъ изъ самыхъ главныхъ грѣховъ настоящаго вѣка, — это увлеченіе внѣшнимъ. Наука вся ушла въ изученіе явленій внѣшняго міра. Методъ и характеръ мышленія получилъ внѣшній механическій пошибъ. Культура и цивилизація состоятъ въ борьбѣ съ природой, во внѣшнемъ приспособленіи ея ко внѣшней жизни человѣка, въ упорядоченіи всевозможныхъ внѣшнихъ отношеній между людьми, сословіями и государствами. Всѣ интересы и симпатіи — во внѣ; наслажденія и зрѣлища поглощаютъ всю жизнь. Все живетъ только внѣшними впечатлѣніями и дѣйствуетъ только по внѣшнимъ мотивамъ, совершенно оторванно отъ своего внутренняго духовнаго корня.

Нужно ли послѣ этого удивляться, что мы нигдѣ не видимъ и не слышимъ Бога? что чѣмъ ни далѣе, тѣмъ болѣе наука и жизнь уходятъ отъ воспріятія Его? Лапласъ справедливо сказалъ Наполеону, что онъ нигдѣ не нашелъ Бога, сколько ни разсматривалъ неба. Извнѣ Его услышать нельзя, если не слышать Его внутри себя. Міръ — безъ Бога; человѣкъ — безъ личности; тѣло — безъ души; все лишь внѣшнее сочетаніе атомовъ и предметовъ; — вотъ неизбѣжный логически необходимый результатъ исключительно внѣшняго направленія сознанія. Это такая же истина, какъ и то, что ножъ анатома можетъ и долженъ открыть только матерію, но нигдѣ не найдетъ и не можетъ найти ни мысли ни чувства. Одно внѣшнее познаніе по самой природѣ своей непременно атеистично. Поэтому-то, тщетны всѣ попытки его привести къ Богу и Христу. Никакія доказательства, никакая защита, никакое остроуміе ничего не можетъ сдѣлать въ данномъ случаѣ: все равно — какъ ни уточайте ножъ, какъ ни старайтесь его искусно повернуть, — онъ никогда не откроетъ идеи, чувства или представленія.

Нужно ли удивляться и тому, что наше сознаніе совершенно босильно сесредоточиться, не смотря ни на

какое стараніе въ иныхъ случаяхъ? что вихрь внѣшнихъ впечатленій и знаній такъ непреодолимо развѣваетъ его во всѣ стороны? что ростокъ живой вѣры, только что посаженный нами, сейчасъ-же разрывается и искореняется налетѣвшимъ порывомъ механически несущейся и крутящейся внѣшней жизни? Посадите цвѣтокъ въ банку и вынесите его сейчасъ же въ бурю на открытый воздухъ. Можно ли надѣяться, что онъ будетъ стоять прямо и правильно расти и цвѣсти? Не вырветъ ли буря его съ корнемъ? Не сломитъ ли и не разнесетъ ли его? То же и съ попытками нашей свободы возрастить цвѣтокъ вѣры въ своемъ сознаниі, устремленномъ всецѣло во внѣ и открытомъ для натиска всѣхъ стихій внѣшняго міра.

Конечно, при такомъ направленіи нашего сознанія нечего и думать о живомъ воспріятіи Бога и Христа. Теперь уже со всѣхъ сторонъ слышатся предостереженія и указанія всей опасности этого пути. Наука начинаетъ удѣлять значительное вниманіе явленіямъ внутренняго міра. Представители этики и литературы призываютъ къ внутреннему усовершенствованію, къ святынѣ совѣсти, долга и любви. Всѣ вообще вопросы о духовномъ мірѣ человѣка и о его вѣчныхъ идеалахъ, давно забытые и заброшенные, начинаютъ опять подниматься и оживляться...

У насъ слышится къ этому давно уже призывъ. Первые почувствовали необходимость повернуть внутрь наши представители славянофильства. Но и чуткіе наиболѣе носители такъ называемаго западнческаго направленія не отстали въ этомъ отъ своихъ противниковъ. Кто читалъ автобіографію Пирогова и этику Кавелина, тотъ, конечно, помнитъ ихъ благородный призывъ во внутрь, къ святынѣ духа и его вѣчныхъ завѣтовъ. Наша литература никогда особенно не вдавалась въ крайности внѣшняго направленія, но лучшие гениальные представители ея за послѣднее время ставятъ борьбу съ нимъ почти своимъ девизомъ. Стоитъ только вспомнить Толстого и Достоевскаго. Наша нарождающаяся философская и психологическая мысль развивается въ этомъ направленіи и ищетъ тутъ своихъ путей. Кто вообще слѣдитъ за современнымъ настроеніемъ, тотъ можетъ

видѣть, что все прежде раздробленные потоки теперь въ своихъ лучшихъ представителяхъ начинаютъ какъ-бы сходитья ближе и пробивать общее русло. И это русло несомнѣнно носить одну характерную черту: оно идетъ по внутреннему руслу человѣка.

Итакъ, какъ будто, дѣйствительно совершается переломъ въ направленіи сознанія: изъ односторонняго порыва во внѣ оно оборачивается понемногу внутрь. Съ христіанской точки зрѣнія этому можно только радоваться и всячески содѣйствовать, потому что, какъ мы видѣли, чтобы прійти ко Христу, нужно предварительно услышать «Отца» внутри нашего собственнаго духа. Но однако это никакъ не можетъ еще быть окончательной оцѣнкой совершающагося поворота. Это далеко еще не все. Внутренній міръ человѣка великъ и широкъ и глубокъ. Сознанію легко затеряться въ его безконечныхъ лабиринтахъ. Эпохи мистицизма и всякихъ суевѣрій — лучшія тому доказательства. И сейчасъ, развѣ мы не видимъ признаковъ этой опасности?

При оцѣнкѣ современнаго поворота христіанину нужно всегда имѣть въ виду самое главное — его конечную цѣль — «услышать Отца» и прійти къ Христу. Обращеніе внутрь только средство; оно не имѣетъ никакой цѣны для христіанина, если имъ не достигается цѣль. Тутъ тоже самое, что и при познаніи внѣшней истины. Я могу многое знать изъ нея, — и однако не «услышать» въ этомъ многомъ живой голосъ Бога. Такъ и во внутреннемъ мірѣ. Я могу многое наблюдать, переживать — и все таки не услышать живой голосъ Бога. Какъ тамъ необходимо сосредоточеніе нашего личнаго сознанія, такъ тоже самое и здѣсь. Только при этомъ условіи мы можемъ воспринять личный отеческій голосъ. Это сосредоточеніе, эта цѣльность духа и есть та грань, за которой мы только и можемъ почувствовать, что пришли къ себѣ, къ своему сокровенному святому святыхъ и дѣйствительно ощутили голосъ своего роднаго Отца... На это и должно быть устремлено христіанское сочувствіе и содѣйствіе. Поворотъ внутрь долженъ быть поворотомъ не раздробленнаго и разбѣяннаго нашего сознанія, а цѣльнаго живого духа. Если повернуть туда одну мысль, жизнь, то, кромѣ мертваго знанія внутреннихъ явленій и ихъ зако-

новъ, ничего не будетъ. Если погрузиться внутрь своимъ чувствомъ, то результатъ— темный мистицизмъ; если направить туда волю, — то стоицизмъ и ригоризмъ. Все это крайне односторонне и съ точки зрѣнія живого христіанскаго сознанія ложно, такъ какъ ни къ какому живому Богу привести не можетъ. Еще болѣе, конечно, не желательны тѣ частныя погруженія внутрь какого-нибудь одного уголка своей души, которыя могутъ кончиться только извращеніемъ всей душевной жизни и ни къ чему живому привести никогда не въ состояніи.

Голосъ породившаго насъ Отца мы можемъ услышать только нашимъ цѣльнымъ живымъ сознаніемъ, нашимъ живымъ «я», и поворотъ внутрь можетъ быть плодотворнымъ и цѣльнымъ только при условіи этого живого сосредоточенія нашего духа. Что-же мы видимъ вокругъ себя, въ охватывающемъ нашу жизнь движеніи? Гдѣ эта живая цѣльность духа? Кто слышитъ внутри себя родной голосъ Отца? не фигурально, не отвлеченно, а дѣйствительно и реально въ живомъ внутреннемъ ощущеніи? Гдѣ гармонія нашего сознанія, сквозь которую звучала бы гармонія нашей родины-неба? Я не говорю, кто достигъ ея, но кто стремится къ ней? кто живо переживаетъ ее, хотя въ моментахъ? кому открылась она, какъ дѣйствительно— родной, нераздѣльно близкій, интимный голосъ нашего Отца? Гдѣ мы видимъ работу надъ воссоединеніемъ нашего «я», надъ собраніемъ разсѣявшихся лучей и цвѣтовъ его спектра въ одинъ живой бѣлый свѣтъ цѣльнаго яснаго сознанія?

Современный поворотъ внутрь пока не уменьшилъ нашего разсѣянія. Я не буду говорить о хаосѣ настроеній европейскаго человѣка. Всѣ признаютъ, что какая то тьма и путаница все больше охватываетъ его внутренній міръ. Но и у насъ совершается то же самое. Нельзя сказать, чтобы всѣ наши поиски внутренней правды приводили къ согласію. Возьмемъ примѣръ. Толстой ищетъ внутренней правды; Вл. Соловьевъ ищетъ, повидому, ея же; К. Леонтьевъ стремился къ ней же. Всѣ торжествующе заявляютъ, что нашли ее, нашли настоящаго Христа, настоящую внутреннюю истину,— и, однако, всѣ между собой въ полномъ противорѣчій.

Прежніе западникі ищутъ внутренней правды въ одномъ направленіи; прежніе славянофилы въ другомъ. Поэтому, когда поднимается вопросъ о ней,—является полная разногласица и взаимное, иногда сознательное, непониманіе другъ друга... Отчего все это? Оттого, что никто не ищетъ правды тамъ, гдѣ она дѣйствительно есть: въ живой гармоничной сосредоточенности дѣла, гдѣ говорить нашъ родной Отецъ. Стоитъ почитать этихъ, весьма часто искреннихъ, искателей правды, особенно въ ихъ полемикѣ, и сейчасъ-же почувствуешь, что о живой гармоніи сознательнаго дѣла, объ этой реальной, сейчасъ подъ рукою находящейся правдѣ, нѣтъ и рѣчи. Ищутъ всего, кромѣ этого; культивируютъ всякое настроеніе, кромѣ яснаго, гармоничнаго; ищутъ всѣхъ путей, кромѣ этого единственнаго; прислушиваются ко всѣмъ голосамъ, кромѣ этого голоса Личнаго Отца, звучащаго со дна нашего живаго личнаго дѣла...

Кто хоть разъ испыталъ это состояніе, тотъ знаетъ, что оно неразрывно соединено съ совершенно яснымъ и всерадостнымъ чувствомъ «сыновства», съ тѣмъ невыразимымъ миромъ, который овладѣваетъ душою по возвращеніи на родину, подъ отеческій кровъ, къ самому себѣ, послѣ долгихъ блужденій и мукъ. И это ощущеніе имѣетъ такой специфическій характеръ, въ немъ такъ всесторонне приходитъ въ волненіе все наше духовное существо, въ немъ дрожатъ такія глубокія струны, такія первичныя мелодіи, раздававшіяся въ насъ еще въ первый недовѣдомый намъ моментъ нашего духовнаго рожденія,—что ошибиться въ немъ нельзя: это дѣйствительно голосъ Отца, любовно встрѣчающаго насъ.

Кто услышалъ этотъ голосъ, кто пережилъ это блаженство сыновства, тотъ будетъ ловить его черты и отзвуки не только внутри себя, но и во внѣ. И тѣмъ ближе и ни дороже намъ эта святыня, тѣмъ болѣе становимся мы чутки къ угадыванію всего истиннаго, гдѣ бы и какъ-бы оно ни являлось, и по самымъ малѣйшимъ намекамъ и частностямъ воспроизводимъ пережитое безконечно дорогое, живое ощущеніе сыновства къ породившему насъ Отцу... Тогда задача познанія истины, задача Богопознанія становится несравненно болѣе легкой. Мы слышимъ во всемъ—во всякомъ законѣ, во всякой

былинкѣ проявленіе живого Отца, родной голосъ котораго звучитъ въ насъ блаженной гармоніей нашего собсвеннаго сердца... Мы стремимся къ этому. Мы жаждемъ этого. Познаніе истины обращается въ величайшую потребность нашей любви, нашего сердца... Это уже не мертвое знаніе отдѣльных истинъ, не трудный подвигъ нашей свободы познать въ нихъ неизвѣстнаго личнаго Бога, а влеченіе нашего духа, старающагося разглядѣть дорогія черты и вслушаться въ дорогіе звуки родного Отца.

Вотъ гдѣ точка опоры для нашего свободнаго подвига—жизненно сосредоточить наше сознаніе, для нашей борьбы съ міровымъ разсѣяніемъ въ области познанія, и вотъ гдѣ надежда на побѣду жизни въ насъ самихъ и въ окружающихъ насъ надъ механическимъ процессомъ ея разложенія.

Тутъ и открывается живая задача представителей Христова дѣла на землѣ и вся ихъ великая важность для настоящаго времени. Они должны быть живыми гармонизаторами нашего духа. Они должны отражать, прояснять и усиливать тотъ внутренній божественный голосъ, который начинаетъ звучать въ современномъ сознаніи. Они должны увеличивать ту привлекающую силу, которая смутно чувствуется всѣми въ евангельскомъ призывѣ—возвратиться въ распростертыя объятія отеческой любви. Они должны призывать и привлекать свободу человѣка къ воспріятію родного «Отца» въ неудержимо все дальше развертывающемся процессѣ внѣшняго механическаго знанія и просвѣщенія.

Въ этомъ и состоитъ второй моментъ свободнаго восхожденія духа къ Богу на пути ко Христу. Первой ступенью было «услышать» голосъ Бога, т. е. сосредоточить свое духовное живое сознаніе настолько, чтобы въ разрозненныхъ и мертвыхъ частностяхъ познаваемого нами быть способными услышать голосъ единой живой личной истины. Вторая ступень состоитъ въ томъ, чтобы живое сосредоточенное сознаніе направлять не только внѣ, но и главнымъ образомъ внутрь себя, чтобы раздающійся оттуда голосъ «Отца» помогъ намъ перцепировать и внѣшнюю истину, какъ голосъ того самаго Отца.

«Всякъ, слышавый, отъ Отца и *навыкъ*, придетъ ко Мнѣ». «Навыкъ» — по рус. «научившійся»; по греч. «*μαθων*»), т. е. пережившій и пріусвоившій слышанное.—Господь указываетъ дальнѣйшую ступень освобожденія духа изъ порабощенія природнымъ силамъ. Недостаточно сосредоточить свое сознание настолько, чтобы, оградившись отъ разсѣянія, ощутить и воспринять голосъ живаго личнаго Бога. Недостаточно соединить это воспріятіе истины съ Тѣмъ, Кто, какъ Отець, присуць нашему духу. Нужно *навыкнутьъ* въ этомъ, т. е. пережить и пріусвоить это воспріятіе отеческихъ велѣній. Можно воспринять и угадать родной голосъ, и однако это будетъ единичнымъ явленіемъ и временнымъ моментомъ. Сейчасъ мы его слушаемъ, а затѣмъ занялись другимъ,—и голосъ изъ нашего сознанія исчезъ. Нужно держать свое вниманіе крѣпко и настойчиво, чтобы изъ него раздавшійся однажды голосъ не ускользнулъ, а звучалъ непрерывно, раскрывая свое содержаніе и жизненную силу. На это, какъ на дальнѣйшую ступень восхожденія къ Себѣ, и указываетъ Господь словомъ «*μαθων*».

Въ современной психологіи—установленный фактъ, что наше вниманіе можетъ усиливать воспринимаемые образы, звуки, идеи и проч. (Рише, Рибо, Жене и др.). Смотри по степени вниманія, обращеннаго къ извѣстному образу, послѣдній выступаетъ то болѣе то менѣе ярко. Я могу довести интенсивность идеи до высокой степени, если исключительно устремлю на нее свое вниманіе. Я могу дойти въ своемъ сознаніи извѣстной истины до почти реальнаго переживанія ея въ себѣ. Извѣстно, что такимъ именно образомъ происходитъ стигматизація и множество другихъ явленій, когда внутренняя идея воспроизводится, какъ полная дѣйствительность, и душевно и тѣлесно.

Если гдѣ необходима настойчивость въ сосредоточеніи своего сознанія, такъ именно въ воспріятіи голоса Отца. Онъ не врывается насильственно и не завладѣваетъ нашимъ сознаніемъ помимо его воли. Онъ слышенъ можетъ быть только свободѣ и только по мѣрѣ свободы. Нужно ее настойчиво устремлять на голосъ, чтобы онъ прояснился и внутренне переживался. При ослабленіи вниманія ослабѣваетъ и голосъ. Это настойчивое напряженіе

вниманія тѣмъ необходимѣй, что все окружающее, все внѣшнее постоянно его отвлекаетъ и разсѣваетъ. Среди шума міра и нашей природы нужно очень энергично и настойчиво напрягать свой внутренній слухъ, чтобы услышать тихій, какъ дыханіе зефира, голосъ Отца.

Это напряженіе вниманія не есть что-либо болѣзненное и одностороннее. Если бы оно было обращено на нѣчто частное или на одну какую-нибудь сторону дѣла и всецѣло поглотилось бы этимъ, тогда, дѣйствительно, вышелъ бы тотъ моноидеизмъ, который можно считать болѣзненнымъ уклоненіемъ сознанія. Но въ томъ напряженіи, которое духъ употребляетъ, чтобы слышать въ словахъ Господа и въ открывающихся истинахъ міра голосъ живого Отца,—нѣтъ ничего ни частнаго ни односторонняго. Совершенно наоборотъ. Человѣкъ при этомъ обладаетъ всякой частностью и обнимаетъ въ живомъ синтезѣ всѣ стороны бытія. Если *idée fixe* есть только случай разсѣянности, при которой человѣкъ невольно ничего не замѣчаетъ остального и къ которой насильственно притягиваетъ все другое, то въ настойчивомъ сосредоточеніи вниманія на живомъ голосѣ Отца—полное обнаруженіе свободы духа и полное преодоленіе разсѣянности. Человѣкъ не остается чуждъ ничему, но все воспринимаетъ въ органическомъ синтезѣ всеобъемлющей жизни божественнаго сознанія.

Чѣмъ ни чаще и ни настойчивѣе мы будемъ сосредоточиваться на голосѣ Отца, тѣмъ отчетливѣе и яснѣе онъ будетъ намъ слышаться. Извѣстно, какая бываетъ разница, когда мы слушаемъ музыкальную пьесу, или читаемъ книгу въ первый или во второй разъ: при повтореніи все въ непосредственномъ воспріятіи является намъ яснѣе и отчетливѣе (Гефдингъ). Мало того, и самое узнаваніе будетъ происходить все скорѣе и самое воспроизведеніе родного, можетъ быть давно забытаго, отеческаго голоса все легче, быстрѣй и незамѣтнѣй. Чѣмъ чаще происходитъ повтореніе, тѣмъ легче, быстрѣй и безсознательнѣй происходитъ узнаваніе. Отъ повторенія и навыка уменьшается и время послѣдняго (Гефдингъ). Живой голосъ Отца все чаще и чаще будетъ звучать при малѣйшихъ намекахъ и поводахъ или изъ области Откровенія, или изъ окружающей и внутренней природной

жизни. Его гармонія будетъ воспроизводиться отчетли-
вѣе и всестороннѣе, и все частное въ ней будетъ, какъ
ея отдѣльные тоны и отзвуки. Такъ мы будемъ входить
въ ту гармонію небесныхъ сферъ, о которой грезили Пи-
фагоръ, Платонъ и другіе натурфилософы, представляя
ее въ неизмѣримыхъ пространствахъ видимаго неба...

Нужно имѣть въ виду, что вмѣстѣ съ моментомъ пе-
реживанія въ словѣ «радѣю» нераздѣльно связанъ и мо-
ментъ волевого осуществленія. Я навѣкъ—это значить,
что моя воля достаточно напрактиковалась въ прояв-
леніи изучаемаго и переживаемаго. Я сказалъ бы, что
въ «радѣю» моментъ переживанія чувствомъ можно
перевести словомъ «привыкъ», «приучился», а моментъ
проявленія волей—словомъ «навѣкъ», «научился». Я
привыкъ къ тому-то, т. е. извѣстный образъ или
чувство легко во мнѣ воспроизводится и стремится
къ воспроизведенію при малѣйшемъ поводѣ. Я на-
выкъ тому-то, это значить, что мнѣ легко стало прояв-
лять во внѣ свою идею или чувство. Эти два момента
совершенно нераздѣльны. Въ психологіи теперь вообще
признается, что умъ, волю и чувство нельзя предста-
вить чѣмъ-то изолированнымъ другъ отъ друга. Идеи
окрашиваются непремѣнно въ тотъ или другой тонъ
чувства и стремятся къ осуществленію. Чувство имѣетъ
тѣ или другія идейныя черты и тоже такъ или иначе
проявляется. Такъ-же и воля соединяется и съ чувствомъ
и съ какою-либо мыслью. Если такъ бываетъ въ области
нашей стихійной жизни, гдѣ все односторонне, гдѣ наше
сознаніе въ высшей степени разсѣянно, то тѣмъ болѣе
эта неразрывная связь должна существовать въ актѣ на-
шего личнаго сознанія и вниманія къ голосу живого Отца.
Голосъ Божій не только даетъ мысль и радость, но онъ
есть и сила. Именно потому онъ и есть живой глосъ,
что въ немъ органически связаны необходимые моменты
живого духа: умъ, воля и чувство. Именно потому-то и
приходится сосредоточить въ себѣ всѣ эти силы въ одномъ
актѣ живого вниманія, чтобы быть способнымъ услышать
его. Жизнь можно услышать только жизнью же. Мерт-
вые жизни не слышатъ. Одностороннее не можетъ объ-
нять и воспринять всѣ стороны. Поэтому, если мы слы-
шимъ голосъ живого Отца, то непремѣнно слышимъ его

не только умомъ и чувствомъ, но и волей, и насколько сильнѣе при этомъ переживаніе его радости, настолько оне рельефнѣе выражается и въ проявленіи его силы.

Мы видѣли, что чѣмъ ни настойчивѣй и ни чаще мы будемъ прислушиваться къ голосу Отца, тѣмъ быстрѣй и легче будемъ воспринимать его. То же самое и въ осуществленіи. Въ психологіи извѣстенъ законъ, что чѣмъ ни больше навыкъ, тѣмъ больше временно уменьшается для воли, т. е. тѣмъ быстрѣе наша воля отвѣчаетъ на раздраженія, тѣмъ быстрѣе ощущение переходитъ въ область проявленія. При полномъ навыкѣ переживаемая идея сейчасъ же становится дѣломъ, фактомъ дѣйствительности. Мы навыкли бѣгло читать и писать. Между представленіемъ буквы или переживаніемъ извѣстнаго чувства и его выраженіемъ въ извѣстномъ звукѣ или буквѣ нѣтъ замѣтнаго промежутка. Сейчасъ же идея или переживаніе переходятъ въ соответствующій фактъ дѣйствительности. Такъ же точно музыкантъ навыкъ бѣгло читать ноты, опытный ораторъ быстро и легко подыскивать выраженія. То же самое и въ процессѣ внимательнаго вслушиванія въ голосъ живого Отца. Чѣмъ ни чаще оно будетъ совершаться, тѣмъ все меньше и меньше будетъ промежутокъ между его слышаніемъ или переживаніемъ въ дѣйствительной жизни. Сначала могутъ быть всякія колебанія. Мы можемъ не ту ноту взять, которую нужно и которую хотимъ. Мы можемъ взять ее нерѣшительно и послѣ раздумываній. Потомъ чѣмъ ни дальше, тѣмъ вѣрнѣе и быстрѣе будетъ идти дѣло. Голосъ Отца и радость наполняющая наше сердце будутъ тотчасъ же проявляться въ жизни. При совершенномъ навыкѣ, — «слышать отъ Отца» будетъ все равно, что непосредственно проявлять слышанное, какъ для виртуоза — слышать внутреннюю мелодію нераздѣльно сливается съ проявленіемъ ея на инструментѣ. Такъ въ завершеніи всего, слышаніе при навыкѣ превращается въ жизнь.

Такимъ образомъ, въ словахъ Господа мы нашли слѣдующіе моменты восхожденія нашей свободы съ почвы теоретическаго богонаученія къ живой вѣрѣ во Христа.

Во-первыхъ, нужно „услышать“, т. е. сосредоточить свое личное живое сознаніе настолько, чтобы быть способнымъ воспринять голосъ живого личнаго Бога Отца,

звучащій въ словахъ Христа и въ законахъ и явленіяхъ міра.

Во-вторыхъ, нужно услышать «Отца т. е. направить свое живое сосредоточенное сознаніе внутрь себя, откуда раздается прирожденный нашему духу, родной и сладостный голосъ породившаго его Отца, и перцепировать имъ свое воспріятіе Бога изъ-внѣ.

Въ третьихъ; нужно услышать Отца, и «навыкнуть», т. е. нужно настойчиво направлять свою свободу на то, чтобы какъ можно чаще слышать всюду, и внутри и внѣ, своего Отца, переживать радость его родныхъ духу звуковъ, и какъ можно постояннѣй осуществлять силу его вѣлвній.

Постепенно и воспріятіе голоса будетъ непрерывнѣй и отчетливѣй, и узнаваніе—быстрѣй и всестороннѣй, и радость-интенсивнѣй, и проявленіе—непосредственнѣй и вѣрнѣй. Въ концѣ всѣ три момента сольются въ одинъ процессъ жизни въ Богѣ.

Такъ духъ нашъ, освобождаясь изъ рабства разсѣнія, постепенно сосредоточивается въ жизненный зародышъ и возрастаетъ изъ низшихъ сферъ въ область высшей духовной жизни, гдѣ его обнимаетъ небесная гармонія Отца. Здѣсь-то по словамъ Господа, онъ и приходитъ къ Нему. «Приходить», очевидно, не въ смыслѣ жизненнаго органическаго приближенія.

Съ точки зрѣнія этой конечной цѣли и моментовъ, подготовляющихъ ее и ведущихъ къ ней, и долженъ христіанинъ смотрѣть на совершающійся теперь предъ нимъ прогрессъ научнаго знанія и просвѣщенія, на обозначившійся внутренній поворотъ въ сторону чувства и нравственнаго опыта, на задачи человѣческой воли въ будущемъ и, наконецъ, на свое значеніе и на свои обязанности въ настоящемъ.

Въ разсмотрѣнныхъ словахъ Господа онъ найдетъ для себя указаніе и цѣли, и путей, и ихъ исходной жизненной почвы, и притомъ въ такой сжатой органической формулѣ, которая могла принадлежать только Божественному разуму и Божественнымъ уставамъ:

„Есть писано во пророцѣхъ: и будутъ вси научени Богомъ. Всякъ слышавый отъ Отца и навыкъ, придетъ ко Мнѣ».

Изложение и разбор учения социализма.

(Продолжение).

8. *Критика социалистического государства.* Тщетно было-бы искать въ трудахъ социалистовъ точной организаціи или строя общества будущаго. Они говорятъ о стремленіяхъ и наклонностяхъ будущаго общества, но не о формахъ его. Вся тактика социалистовъ должна лишь стремиться сдѣлать невозможнымъ никакой компромиссъ между капитализмомъ и социализмомъ.

Въ то время, какъ противники социализма представляютъ рядъ своихъ программъ и смотрятъ на отсутствіе определенной программы у социалистовъ, какъ на признакъ безсилія, сторонники социализма, напротивъ, хвалятся этимъ, какъ явнымъ признакомъ прогресса: социализмъ долженъ-же слѣдовать за эволюціей науки, шагъ за шагомъ изучать экономическіе законы движенія капиталистическаго общества. Либкнехтъ отказывается дать какое либо названіе обществу будущаго. „Должны-ли мы заявить, спрашиваетъ онъ, что мы стремимся къ республикѣ? не знаю я. Само собою понятно, что республика есть идеальное государство партіи, борющейся за свободу. Но не слѣдуетъ забывать, что борьба классовъ въ буржуазной республикѣ такъ же ожесточена, какъ и въ монархіи“.

Замѣчательно, что въ эрфуртской программѣ (1891 г.) нѣтъ совсѣмъ рѣчи о *государствѣ*, но единственно объ *обществѣ*. Марксъ съ глубочайшей ненавистью говоритъ о „мистической идеѣ государства“, объ этой „рабской вѣрѣ въ чудеса, которыя можетъ совершить государство“ (какъ будто меньше надо слѣпой вѣры для чудесъ коллективнаго общества!). Они мечтаютъ овладѣть государствомъ и обществомъ (это различіе общества и государства—чисто китайская грамота) лишь для того, чтобы его уничтожить, какъ только установится коллективное общество. Но такъ какъ съ другой стороны, коллективное общество требуетъ очевиднаго всеобщаго принужденія, то социалисты уничтожаютъ государство въ то время когда оно наиболѣе сдѣлается необходимымъ.

Въ дѣйствительности, „общество безъ государства“, идеаль социалистовъ, т. е. „община безъ организациі“ существуетъ только у дикихъ народовъ и нисколько не мѣшаетъ господству классовъ и рабству. Какъ же будетъ организовано государство будущаго?

Соціалисты говорятъ только о необходимости всѣмъ трудиться съ равнымъ правомъ работника получать изъ плодовъ общиннаго труда все необходимое для удовлетворенія своихъ разумныхъ потребностей. Они говорятъ также о равныхъ правахъ и обязанностяхъ для каждаго безъ различія пола и происхожденія и очень мало, почти ничего, о регламентациі коллективнаго труда и распредѣленія его продуктовъ. Мы не можемъ, говорится въ эрфуртской программѣ, точно представить общества будущаго, потому что онѣ будутъ опредѣлены экономической эволюціей, какъ слѣдствіемъ переходныхъ и посредствующихъ способовъ организациі. Да и не желаемъ гипотизировать рабочаго представленіемъ образа будущаго общества“.

Это туманное и неопредѣленное объясненіе не оставляетъ ничего изъ обычныхъ принциповъ и требованій. Соціалисты же предлагаютъ такую программу дѣятельности. Сначала пролетаріатъ захватитъ государственную власть посредствомъ всеобщей подачи голосовъ, послѣ чего присвоитъ всѣ частныя и конкурирующіе капиталы для образованія единаго коллективнаго капитала, сдѣлается собственникомъ всѣхъ орудій труда, въ число которыхъ входитъ земля и рудники, всѣ средства производства перейдутъ во владѣніе общины. Государство сдѣлается единственнымъ распредѣлителемъ обязательнаго труда для всѣхъ, единственнымъ производителемъ. Перепроизводства не будетъ, такъ какъ не будетъ конкуренціи, т. е. частнаго соперничества. Государство, послѣ собранія всѣхъ продуктовъ соціальнаго труда, какъ большое анонимное общество, должно будетъ установить справедливое распредѣленіе между личностями въ зависимости отъ итоговъ ихъ соціальнаго труда и сообразно оцѣнкѣ удобствъ, точно соотвѣтствующей средней цѣнѣ производства. Такое преобразование современнаго государства, „принадлежащаго отнынѣ къ историческимъ категоріямъ прошедшаго“, — безусловно радикально: не будетъ ни денегъ, ни торговли,

ни биржи, ни аренды, ни найма, однимъ словомъ, никакихъ частныхъ доходовъ подъ какой-бы то ни было формой. Слѣд., по воззрѣнію социалистовъ, будетъ уничтожено рабство найма, удовлетворенъ фанатизмъ равенства массъ и обезпечено всѣмъ людямъ „человѣческое, а не скотское существованіе“.

Такимъ образомъ, социалисты хотятъ достигнуть всеобщаго равенства рядомъ измѣненій въ современныхъ общественныхъ установленіяхъ. Предполагается такая организація, въ которой средства производства, земля и капиталы были-бы обобществлены, а отсюда, производство и распредѣленіе богатства опредѣлялось бы не произвольнымъ усмотрѣніемъ отдѣльныхъ предпринимателей и случайностями спроса и предложенія, а планомѣрными распоряженіями общественной власти: „производство—коллективно и распредѣленіе богатства должно быть таковымъ-же (Энгельсъ). *Каждый подчиняется волѣ верховнаго конгресса.* Прогрессивный подоходный налогъ, удерживаемый вмѣсто налоговъ на расходы, по администраціи, на общественныя учрежденія, на больницы, на школы, на инвалидовъ, на поддержаніе орудій труда, на запасной фондъ на случай несчастій и бѣдствій въ природѣ; уничтоженія званій и состояній; нормальный рабочій день; полное равенство половъ, обязательное обученіе и воспитаніе въ общественныхъ школахъ—а надъ всѣмъ этимъ—всеобщая подача голосовъ для выработки установленія законовъ—вотъ тѣ черты, которыя можно видѣть изъ социалистическаго ученія о государствѣ будущаго. Ясно выступаютъ собственно положенія о коллективномъ владѣніи землею и капиталомъ, объ общественной организаціи производства и распредѣленія и о существованіи верховнаго конгресса, волѣ котораго безусловно подчиняется каждый гражданинъ—товарищъ общечеловѣческаго союза. Всякое производство обращается въ работу по закону, причемъ главнымъ стимуломъ къ труду служитъ стремленіе къ общему благу и давленіе общественнаго мнѣнія, которое своей похвалою или порицаніемъ будетъ оказывать дѣйствіе на рѣшенія отдѣльнаго лица. Никого не найдется, говорятъ, для выполнения черныхъ работъ. Но развѣ въ настоящемъ, такомъ несовершенномъ обществѣ, не хватало когда либо охотниковъ для работъ неособенно пріятныхъ, какъ напр.

уходъ за больнымъ. Самыя тягостныя работы возлагаются на машины. Широкое примѣненіе техническихъ усовершенствованій во всѣхъ отрасляхъ производства возвыситъ успѣшность труда и тѣмъ самымъ уменьшитъ количество его, необходимое для удовлетворенія потребностей общества.

Эта доктрина является выводомъ изъ того умозрительнаго положенія, что строй даннаго общества зависитъ отъ существующихъ въ немъ учреждений, неприкосновенность которыхъ охраняетъ правительство, создавшее законы и формы современнаго правленія.

Но уже французская революція доказала, что формы правленія причиною распредѣленія богатства ни въ какомъ случаѣ быть не можетъ. Исторически слагалось какъ разъ обратное: не строй общества зависѣлъ отъ существующихъ въ немъ установленій, а установленія эти *зависѣли* отъ существующаго строя. Стремясь завоевать себѣ личную свободу, социалисты своей организаціей ведутъ на практикѣ къ подавленію этой свободы и притомъ болѣе полному и рѣшительному, чѣмъ всякій другой образъ правленія: къ полному порабощенію „въ союзѣ личности стадностью“. «Все, что возвышается надъ уровнемъ посредственной культуры, всякія выдающіяся дарованія должны развиваться по извѣстному трафарету, начертанному волей верховнаго конгресса. Слѣдствіемъ такого порабощенія въ социалистическомъ обществѣ неизбѣжно долженъ понизиться общій уровень культуры и прогресса, что въ свою очередь ведетъ къ умственному одичанію и нравственному разложенію. „Едва-ли можно представить себѣ что нибудь болѣе ужасное, пишетъ Чичеринъ.—(Собственность и государство), чѣмъ распоряженіе всѣмъ матеріальнымъ, всѣмъ богатствомъ страны владычествующаго партією—всемогущимъ правительствомъ, состоящимъ изъ лицъ, которымъ всякая торговля, промышленность и владѣніе собственной землей запрещено и единственное удовлетвореніе личнаго интереса которыхъ составляетъ участие въ государственномъ управленіи“. Они, конечно, необходимо будутъ экспроприровать своихъ согражданъ при раздѣленіи продуктовъ предметовъ потребленія. И на эту экспроприацію не можетъ быть наложено никакого ареста, такъ какъ вся колоссальная власть, принадлежащая го-

сударству, будетъ предоставлена всемогущимъ государственнымъ экспроприаторамъ. „Конечнымъ результатомъ чего можетъ быть возрожденіе деспотизма“ (Герб. Спенсерг.—Грядущее рабство).

Что же послужить ручательствомъ нормировки рабочаго дня и гарантіей сохранности выработанныхъ продуктовъ? Отвѣтственность предъ Богомъ? Но върава Бога—попрана въ социалистическомъ союзѣ; религія изгнана. Отвѣтственность предъ совѣстью? Для социалистовъ—совѣсть пустой звукъ! Отвѣтственность имѣеть быть единственно—предъ верховнымъ конгрессомъ. Сами социалисты сознають, что не могутъ „привести такой чудовищный коллективный организмъ труда и капитала во всѣхъ его мельчайшихъ частяхъ къ удачнымъ индивидуальнымъ дѣйствіямъ и поступкамъ“. Центральная власть, сосредоточенная въ одномъ пунктѣ, не можетъ достигнуть ни при помощи наказаній, ни воззваніемъ къ народу и его долгу, ни какимъ либо инымъ образомъ того, чтобы всюду въ великой сферѣ единого социальнаго производства каждый достигалъ наибольшихъ результатовъ наименьшими издержками, т. е. чтобы производство велось вполне экономно, чтобы никто не оттягивалъ въ свою пользу рабочее время, чтобы никто не расточалъ національнаго капитала и не расходовалъ его небрежно, чтобы въ каждомъ отдѣленіи составъ средствъ производства въ достаточномъ количествѣ подновлялся своевременно, сообразуясь съ послѣдними успѣхами техники, чтобы точно и справедливо былъ оцѣненъ различный трудъ, чтобы, начиная съ чиновниковъ, завѣдующихъ хозяйствомъ и кончая омніархами, т. е. главноуправляющими, никого не экспроприировалъ и не притѣснялъ, не выжималъ прибавочной стоимости и не бралъ взятокъ (Шефле. Квинтэссенція социализма). Никакія преміи за добросовѣстное исполненіе не могутъ принести пользы дѣлу, такъ какъ сами преміи могутъ обратиться въ предметъ происковъ и протекцій, или въ рутину. Значить, ровно—никакой гарантіи! А отсутствіе гарантіи, въ силу полного подавленія дѣятельности свободной личности, необходимо влечетъ за собою уменьшеніе работоспособности, что отражается въ свою очередь на общемъ ходѣ развитія прогресса.

Слѣд., социалистическое государство будущаго — не полезно. Но оно не только не полезно, а прямо и невозможно. Общества безъ классовъ, безъ противоположности интересовъ, никогда еще не видалъ міръ, никогда не увидитъ, ибо „каждый человекъ есть личный интересъ и личныя желанія“. Для его образованія надо государство централистическое, требующее страшнаго ограниченія личной свободы. Представьте себѣ государство, обязанное всѣмъ руководить, контролировать совокупность экономическихъ функций, назначить каждому его урокъ, дѣлать барыши. Болѣе ненавистной тираніи нельзя себѣ и вообразить. Такой порядокъ не могъ бы просуществовать долѣе одной минуты: необходимо создается эксплоатація слабыхъ сильными.

Соціалисты сознаютъ это и вотъ ихъ отвѣтъ: когда государство вмѣсто того, чтобы быть, какъ въ прошедшемъ, такъ и настоящемъ времени, организаціей, устроенной угнетающимъ классомъ, дворянствомъ или буржуазіей, для защиты своихъ привиллегій, будетъ представляемо всѣмъ обществомъ, безъ различія классовъ, оно сдѣлается излишнимъ. Больше уже не будетъ борьбы за индивидуальное существованіе, основывающейся на анархіи производства. Первый актъ государства, завладѣвшаго производствомъ, будетъ послѣднимъ актомъ его, какъ государства; оно не будетъ уничтожено, а умретъ естественной смертію. *Вмѣсто правленія лицъ будетъ правленіе вещей* (Энгельсъ).

Такимъ образомъ, въ то время, когда социалисты возлагаютъ на государство массу обязанностей — контролировать, руководить производствомъ, они же и уничтожаютъ его, потому что „такое чудовище“ показалось имъ слишкомъ страшнымъ и они все предоставляютъ ходу однимъ только вещамъ. Вѣдь это-насмѣшка! И такъ, всегда, лишь только пожелаютъ начертать образъ этой будущей организаціи, какъ встрѣчаютъ на каждомъ шагу непреодолимыя затрудненія, неразрѣшимыя внутреннія противорѣчія. Соціалисты какъ будто не хотятъ понять, что общество есть высшая единица индивидуумовъ, его составляющихъ, что ихъ несовершенства служатъ причиною и его несовершенства, что разрушая въ каждомъ индивидуальное усиліе, они разрушаютъ его все вмѣстѣ.

„Неравенство богатствъ, говоритъ Велльсъ, кажется является причиной самыхъ большихъ бѣдствій общества, но какъ бы не были велики эти бѣдствія, все же они будутъ лучше тѣхъ, которыя произойдутъ изъ равенства богатствъ. Если бы каждый былъ доволенъ своимъ положеніемъ, если бы каждый считалъ невозможнымъ дальнѣйшее улучшеніе, то міръ пришелъ бы въ состояніе косности. А онъ такъ устроенъ, что не можетъ оставаться неподвижнымъ... Недовольство каждого своимъ собственнымъ положеніемъ есть мощный двигатель всякаго человѣческаго прогресса“.

9. Критика нравственныхъ принциповъ социализма.
По мнѣнію социалистовъ, каждый классъ имѣетъ свою мораль: аристократія практикуетъ казуистику іезуитовъ, буржуазія—утилитарный рационализмъ, а мораль пролетаріевъ, которая и есть мораль будущаго, основывается единственно на солидарности и альтруизмѣ. Нравственность, какъ научно установлено, покоится цѣликомъ на религіи, а такъ какъ религія социализмомъ отрицается, то и нравственные принципы ихъ различны, смстря по различію ихъ основныхъ возрѣній.

Одни полагаютъ, что человѣкъ произошелъ отъ обезьяны, и въ зависимости отъ этого опредѣляютъ нравственность и нравственный прогрессъ. Другіе совсѣмъ этимъ не интересуются, а просто говорятъ, что человѣкъ—умное животное, которому нужно только хорошо ѣсть, пить да удобно жить. Слѣд., человѣкъ съ точки зрѣнія экономики социализма не есть нравственное существо, не духъ, а лишь матеріальный фактъ: „человѣкъ-животное, онъ—производитель матеріальныхъ предметовъ“, такъ что социалистическій идеаль построенъ на игнорированіи человѣка, какъ существа духовнаго. Отсюда, нравственно, по Лассалю, то, что въ данное время принято считать обязательнымъ и добрымъ. По словамъ Бебеля, нравственно, что соотвѣтствуетъ социалистическимъ потребностямъ данной эпохи, а потребности опредѣляются условіями производства. Слѣд., „нравственность есть продуктъ соотношеній социальныхъ силъ“ (Марксъ).

И если социализмъ повторяетъ слова о нравственности, честности, любви, справедливости, а особенно о свободѣ, равенствѣ и братствѣ, то для всякаго, знакомаго съ

христіанскимъ ученіемъ о нравственности, ясно, что эти понятія соціалисты заимствовали изъ христіанства, давши имъ ложную окраску. Въ то время, какъ христіанство говоритъ о нравственномъ совершенствованіи каждой отдѣльной личности, соціализмъ проповѣдуетъ губительную иллюзію соціальнаго улучшенія посредствомъ измѣненія внѣшнихъ формъ, иллюзію „обыкновенно останавливающую истинный прогрессъ, что можно, по заявленію Л. Н. Толстого, замѣтить во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ—Франціи, Англіи, Америкѣ.

Христіанство учитъ, что всѣ жизненные противорѣчія между идеаломъ и дѣйствительностію, всѣ отклоненія отъ нормальной жизни человѣчества зависятъ прежде всего и главнымъ образомъ отъ самого человѣка, его несовершенства—слѣдствія грѣхопаденія, такъ что никакія формы жизни, никакое устройство общества и государства, никакое распредѣленіе земныхъ благъ—не сдѣлаютъ человѣка счастливымъ и совершеннымъ до тѣхъ поръ, пока онъ не уничтожитъ главную причину всѣхъ бѣдъ и несчастій—грѣхъ съ его неизмѣнными спутниками: жестокостью и эгоизмомъ. А по словамъ соціалиста Кутлера, грѣхъ есть величина, съ которою прогрессъ не долженъ считаться и въ этомъ именно состоитъ „завидное преимущество“ соціализма предъ христіанствомъ!! „Такъ хотѣлъ, такъ думалъ Христосъ“... да какое намъ до этого дѣло вотъ кощунственное, но чрезвычайно характерное восклицаніе Дидгета для опредѣленія взаимоотношенія христіанской и соціалистической нравственности.

Насколько ученіе соціализма аморально видно изъ поведенія вожаковъ въ борьбѣ «за право свое». Это—постоянная поддержка вѣчной неудовлетворительности, озлобленія, зависти и открытой вражды ко всѣмъ, находящимся не въ ихъ «станѣ».

Девизъ—«свобода, равенство и братство»—слова, совсѣмъ неимѣющія того значенія, какое имъ принадлежитъ по обыкновенному словоупотребленію.

Знаменитая «декларация правъ человѣка» начинается со словъ—люди «всѣ рождаются равными и свободными». Подобное заявленіе противорѣчитъ прежде всего, съ точки зрѣнія физической, закону наслѣдственности, по которому дѣти наслѣдуютъ тѣ или иныя качества отца

и матери; съ точки зрѣнія моральной—отъ талантовъ данныхъ Богомъ.

Если социализмъ говоритъ о братствѣ, то не въ смыслѣ христіанскаго общенія между всѣми, какъ дѣтьми Божиими, а въ смыслѣ простого товарищества, которое коллективизмъ называетъ чувствомъ солидарности пролетаріата, хотя-бы эта солидарность была направлена на безнравственныя дѣйствія—насилія, экспропріаціи, поджоги, убійства,—что совершенно противно христіанскому братству, имѣющему въ идеалѣ своемъ совершенствованіе личности посредствомъ взаимной поддержки—«взаимообщенія во Христѣ». При томъ-же социалистическое чувство солидарности простирается только на товарищей, т. е. единомышленниковъ и друзей и—до тѣхъ поръ, пока они безусловно подчиняются распоряженіямъ социалистическихъ вожаковъ. Не даромъ же эти послѣдніе—слово «братъ» замѣнили инымъ—товарищъ».

Равенство быстро обращается въ тираннію, гдѣ каждый товарищъ насильно подчиняется дѣйствіямъ своихъ сочленовъ. «Чтобы осуществить равенство, пишетъ Чичеринъ, необходимо подавить въ человѣкѣ всякія возвышающіяся надъ общимъ уровнемъ потребности и стремленія... Греки этотъ образъ дѣйствія изобразили въ замысловатомъ мифѣ о разбойникѣ Прокурстѣ, который свои жертвы клалъ на желѣзную кровать, а затѣмъ у однихъ обрѣзывалъ слишкомъ длинныя оконечности, у другихъ насильственно вытягивалъ до извѣстной мѣрки. Но греки за такое изобрѣтеніе осуждали Прокурсту на вѣчныя страданія въ тартарѣ, социалисты же новаго времени выставляютъ эту адскую пытку идеаломъ человѣческаго общежитія». По мысли Секретана (Цивилизація и вѣра), это самая ужасная изъ тараній, какую можно вообразить. При томъ же мы знаемъ, что всѣ успѣхи матеріальнаго прогресса человѣчества никогда не возникли-бы, если бы общество не было построено на принципахъ неравенства.

О *свободѣ* социалистовъ мы не говоримъ: какая же можетъ быть *свобода* у *рабовъ* будущаго общества! это свобода—полное поглощеніе личности обществомъ и *властью вещей!*

Вотъ съ какими словами обращается англійскій депутатъ Мэрисъ къ гартистамъ. «Подъ свободой вы понимаете не что иное, какъ отсутствіе всякихъ границъ. Между тѣмъ, истинная свобода состоитъ въ возможно полномъ развитіи всѣхъ способностей и вмѣстѣ съ этимъ, въ подчиненіи животныхъ инстинктовъ требованіямъ гуманности. Подъ равенствомъ вы понимаете низведеніе всѣхъ на одинъ уровень и, стало быть, самое грубое неравенство. Вы никогда не достигнете равенства, если будете считать матеріальное благосостояніе самымъ желаннымъ благомъ. Истинное равенство заключается въ одинаковомъ отношеніи каждаго къ Богу и въ равной для каждаго возможности развивать свои личныя дарованія и выполнить свои личныя задачи. Подъ братствомъ вы понимаете лишь тѣхъ, кого связываютъ одни и тѣ же условія работы».

Такимъ образомъ, при болѣе внимательномъ отношеніи къ девизу—свобода, равенство и братство—оказывается, что свобода обращается въ полное поглощеніе личности обществомъ, завершающимся безпросвѣтнымъ рабствомъ; равенство—въ невыносимую тираннію; братство—въ нравственное одичаніе. Такъ что социалистическій идеаль организаціи будущаго общества, съ цѣлью охватить весь земной шаръ, чтобы эгоизмъ, ревность, соперничество, желаніе господствовать и грабить перестали существовать между націями, чтобы различія отъ климата, характера, темперамента, правовъ сгладились и исчезли, чтобы не было не только націй, но и расъ—совершенно неосуществимъ въ силу внутренняго своего противорѣчія. Истинная свобода состоитъ въ прямомъ соотношеніи съ порядкомъ и законностію, а равенство и братство—со старшинствомъ однихъ и повиновеніемъ другихъ.

Давно уже подмѣчено, что *научный* социализмъ смѣшиваетъ научныя гипотезы и революціонные девизы. И это смѣшеніе ведетъ къ чрезвычайно печальному концу. Не читали-ли вы, писалъ въ свое время анархистъ Бакуинь, таинственныхъ и страшныхъ словъ—свобода, равенство и братство на фронтонѣ храма, воздвигнутаго французской революціей, не увидѣли-ли вы и не почувствовали-ли вы, что эти слова означаютъ всецѣлое унич-

тоженіе существующаго политическаго и соціалнаго міра“.

Указанное стремленіе социализма къ уничтоженію всего существующаго строя жизни, вслѣдствіе нападковъ на религію, нравственность, общество и государство отражается и на семьѣ, этой ячейки общества и государства, вызывая крайнее возмущеніе и матерей и отцовъ.

(Окончаніе будетъ).

Истины Христіанской религіи въ творчествѣ Л. Андреева.

Въ ряду всевозможнаго рода проблемъ, вопросовъ, надъ рѣшеніемъ которыхъ неустанно, изъ вѣка въ вѣкъ, часто судорожно, но всегда съ невѣроятной затратой энергіи, бился и бьется могучій, по самой своей природѣ творческій, духъ чевѣка, вопросы религіознаго характера, пытання о Богѣ, о людяхъ, о таинственныхъ судьбахъ человѣческой жизни,—занимали и занимаютъ въ своей жизненной значимости, первенствующее, исключительное значеніе. Нерѣдко по пути своихъ попытокъ рѣшить эти вопросы, человѣческій духъ ослабѣвалъ, падалъ, отворачивался отъ своихъ мучительныхъ думъ, сыпалъ по ихъ адресу проклятіями, пытался однимъ росчеркомъ своего пера вычеркнуть ихъ изъ своей жизни,—и,—посмотрите!—вновь и вновь онъ съ ними, вновь и вновь, то съ любовью, доходящею до экстаза, то съ ненавистью и мучительной болью, доводящей его до бѣшенства,—останавливается онъ у этихъ вопросовъ, протягиваетъ руку къ бессмертному огню знанія, и, вооруженный всѣмъ блескомъ могущества своей, вѣками созданной культуры, пытается потрясти самое небо, чтобы хоть приблизиться къ рѣшенію своихъ загадокъ. Вотъ онъ «въ огнѣ и громѣ», по выраженію писателя нашихъ дней (Л. Андреева), «хочетъ перейти міровую грань..» Зачеркнувши вѣками сопровождавшій его эпитетъ «рабъ», онъ объявилъ себя «царемъ познанія и свободы», объявилъ себя «сверхчеловѣкомъ» «человѣкобогомъ» и, опираясь на устои—идеалы, воздвигнутые страшными усилиями своей многовѣковой твор-

ческой дѣятельности, съ гордостію оглядывается кругомъ, простираетъ руку къ стихіямъ окружающаго его міра и — онѣ служатъ ему... Демоническою гордостію въ его сознаниі звучитъ самое названіе своего мощнаго духа «человѣкъ» (Горькій). Духъ замираетъ, голова кружится отъ созерцанія этой культурной мощи человѣка. Но—прислушайтесь къ аккордамъ торжественнаго гимна—которымъ сопровождается шествіе этой культурной мощи. Прислушайтесь... Слышите, какимъ диссонирующимъ звукомъ врывается въ этотъ гимнъ тоска тревоги, вопль безнадежности, вопль безцѣльности, вопль отчаянія? Слышите, замѣчаете, какъ этотъ вопль ширится, растетъ. звучитъ полнѣе другихъ звуковъ, покрываетъ ихъ?... И—страшно дѣлается за человѣка, невольно вырывается крикъ ужаса, и звучитъ этотъ крикъ поражающимъ трагизмомъ... И кажется подъ его впечатлѣніемъ, что никогда еще человѣкъ не былъ такъ близокъ къ пропасти, никогда еще эта пропасть не зіяла такими опасными для него глубинами. Страшно дѣлается за этого «сверхчеловѣка», страшно потому, что самая жизнь его на биржѣ современныхъ человѣческихъ цѣнностей обезцѣнена, а обезцѣнилась жизнь, пали и падаютъ въ своей цѣнности и тѣ устои идеалы, на которыхъ держалась эта цѣнность. Въмѣсто нихъ и противъ нихъ, выступаетъ во всей своей страшной силѣ отрицаніе съ самоотрицаніемъ, отрицаніе нервное, страстное, полное жгучаго трагизма. И колеблется подъ его напоромъ пьедесталь, на которомъ поставилъ себя человѣкъ; колеблются основанія его—культурные идеалы, казавшіеся столь нерушимыми; неподвижные камни пьедестала превращаются лишь въ летучія грезы духа человѣческаго,—между которыми и дѣйствительностію по прежнему оказывается непроходимая пропасть, полная мучительныхъ попытокъ примирить идеаль съ дѣйствительностію. Казалось бы, упоенный гордынею своей самоутверждающейся личности, этотъ «человѣкобогъ» могъ бы спокойно прислушиваться къ грохоту мимо него несущейся жизни, съ веселіемъ могъ бы взирать на все, что вокругъ него, и въ шумѣ безконечнаго праздника торжествующаго его духа-побѣдителя жить внѣ волненій, внѣ сомнѣній, внѣ тревогъ. И дѣйствительно, онъ выступаетъ полный буйной веселости настроенія; онъ говоритъ жизни свое гордое—

«да»! Онъ вѣрнѣе въ себя; онъ вѣрнѣе въ окружающее; онъ готовится къ своему празднику, — триумфу его культурной мощи, и заботится только о свѣтѣ... «Ничего темнаго», приказываетъ онъ слугамъ: «ничего темнаго! Башня, мое жилище, должна горѣть, сверкать; она должна подниматься къ черному небу, какъ одинъ огромный пламенный языкъ... Я жду свѣтлаго праздника. Ничего темнаго, ничего темнаго. («Черныя маски» Андреева) Вотъ и праздникъ, «восторгомъ предвкушенія котораго горѣлъ человекъ». Это безумно веселый балъ-маскарадъ. Въ пламеняющей башнѣ дворца, посылающей гордый вызовъ ночному мраку и небу, этомъ символѣ гуманистической культуры, всѣ-желанные гости. Пылающіе факелы, огонь, заливающей дворецъ и дороги къ нему ведущія, далеко за предѣлы замка пронизывающей глухую тьму, — это свѣтъ знанія, это символъ человѣческаго генія, вооруженнаго наукой и техникой, влекомаго неустанной жаждой проникновенія въ глубины безвѣстнаго. Гости — всѣ въ маскахъ: всюду и вездѣ маски. Хозяинъ всматривается въ своихъ гостей — и никого не узнаетъ; пытливо подь личиной ищетъ дѣйствительности и не находитъ. Онъ — недоумѣваетъ, волнуется и въ тревогѣ зоветъ ту, которую, какъ онъ самоувѣренно утверждаетъ, «среди тысячи женщинъ узнаетъ по глазамъ», но на одно имя отзывается множество, и вмѣсто одной возлюбленной оказывается нѣсколько. И хозяинъ не узнаетъ своихъ странныхъ гостей, а они хохочутъ надъ его заблужденіемъ; смѣясь, нащелтываютъ объ извѣчномъ хаосѣ, откуда пришли они. И двоится сознаніе хозяина. А они, эти черныя маски, привлеченныя ослѣпительнымъ заревомъ башни, идутъ все новыя и новыя, никому не извѣстныя, никѣмъ не званныя, чудовища, «ожившія частицы мрака». Назойливыя и робкія, онѣ заполняютъ свѣтлый замокъ; съ любопытствомъ прикасаются ко всему, роняютъ драгоценныя вещи, украшающія замокъ, производятъ беспорядокъ, хаосъ. И вотъ меркнутъ огни въ свѣтильникахъ и въ очагахъ, настаетъ мракъ, холодъ... но гости — маски хохочутъ, и сквозь этотъ холодный смѣхъ хозяинъ явственно слышитъ шопотъ гостей: «Мы твои мысли... Мы твои чувства... Мы твоя ложь... Мы твои хозяева... Этотъ замокъ нашъ»... И начинается хозяинъ бала подь личиною маски

узнавать множественныя «я» разлагающейся души своей. Это предъ нимъ, въ день его триумфа, встали, во всей своей неотступности, силы души его, въ «стальнойное существо которыхъ онъ не можетъ проникнуть». «Это черныя чудища, олицетворяющія мрачныя глубины бессознательнаго, разверзшіяся бездонныя пропасти безликихъ и слѣпыхъ силъ природы.—Онѣ льнуть къ свѣту и теплу—и свѣтъ гаснетъ отъ нихъ и тепло изсякаетъ. Могуцій духъ чдловѣка теряетъ ясность своего сознанія; онъ близокъ къ безумію. Въ душѣ его, вмѣсто гордости успокоившагося побѣдителя, борьба хаоса со свѣтомъ и гармоніей, за предѣлами которой—борьба человѣческой культуры съ вѣчнымъ хаосомъ и безцѣльностью бытія. Вмѣсто былой наивной гармоніи, онъ ощущаетъ теперь въ душѣ своей настоящей адъ сомнѣній и пытокъ. Теперь тамъ воистину діаволь съ Богомъ борется». Въ мучительно дикій танецъ превращается теперь веселая музыка бала; пѣсня любви, созданная чловѣкомъ, горѣвшимъ «восторгомъ предвкушенія своего праздника»,—превращается въ жгучую мольбу о пощадѣ, о помощи... «Моя душа»,—поетъ онъ,—«заколдованный замокъ. Свѣтитъ ли солнце въ высокія окна—изъ лучей золотыхъ оно ткеть золотистые сны.—Глядитъ ли печально луна въ туманныя окна—въ серебристыхъ лучахъ серебристые сны. Кто смѣется? Кто смѣется такъ пѣжно надъ печальною жизнью?—И осерѣтился мой замокъ огнями. Что случилось съ моей душой? Черныя тѣни побѣжали къ горамъ и вернулись чернѣе.—Кто рыдаетъ? Кто стонетъ такъ тяжело въ черной тѣни кипарисовъ? Кто пришелъ на мой зовъ?

И страхи вошли въ мой сіяющій замокъ. Что случилось съ моей душой? Гаснуть огни подъ дыханіемъ мрака. Кто смѣется? Кто смѣется такъ страшно надъ безумнымъ мной? Пожалѣй меня, о властитель, страшно душѣ моей, о властитель, о владыка міра—Сатана!» («Черн. маски»).

Роковая печаль безсильнаго унынія покоится на эгомъ, трепещущемъ произведеніи „чловѣкобога“. Чувствуется, что творцу ея не развернуть своей души ни въ блескъ солнечнаго дня ни среди угрожающихъ тѣней ночи. Чувствуется бредъ, навѣянный тяжелыми противорѣчіями жизни, залитой солнцемъ культуры. Чувствуется, что тамъ,

гдѣ человѣкъ искалъ радости бытія, созрѣло проклятье, — безумный ужасъ одиночества. Бездна его души, ея стихійная многоликость во всей своей необъятности разверзлась передъ нимъ и онъ, въ замирающемъ ощущеніи, свѣсилъ въ нее на половину и заглядываетъ въ ея зіяющія глубины... И вотъ его надежды, гордыя мечты, могучее знаніе измѣняютъ ему; они трусливо притаились въ углу какимъ то чудовищемъ, лишеннымъ образа и формы, много-рукимъ, многогогимъ, говорящимъ многими голосами; на мѣсто ихъ вползаютъ и шевелятся жалящія душу змѣи сомнѣнія. «Безумная надежда быть господиномъ своего «я» смѣняется рабскимъ страхомъ служенія темнымъ силамъ расколовшейся въ своемъ сознаніи души, хаосу космоса, убивающему творчески созидательную ея силу. «Какъ я чуждъ всѣмъ этимъ людямъ и одинокъ въ мірѣ» — я, навѣки заключенный въ эту голову, въ эту тюрьму, «— кричитъ теперь тотъ» царь познанія и свободы, «— какъ я одинокъ,» когда и сзади и спереди, и кругомъ зіяющая пустота, когда я, тотъ, который живетъ, чувствуетъ, мыслить, который такъ дорогъ и есть единственный; когда я такъ малъ, безконечно ничтоженъ и слабъ, когда самого себя я составляю лишь ничтожную частицу; когда въ самомъ себѣ я окруженъ и задушенъ угрюмо молчащими таинственными врагами. Куда ни иду я — я всюду несу ихъ съ собою: одинокій въ пустотѣ вселенной, — и въ самомъ себѣ не имѣю я друга. Безумное одиночество, когда я не знаю, кто я, одинокій, когда моими устами, моею мыслью, моимъ голосомъ, говорятъ невѣдомые «они»... («Мысль» — Андреева) Никого въ мірѣ не любилъ я, кромѣ себя; въ себѣ я любилъ не это гнусное тѣло, которое любятъ и пошляки, — я любилъ свою человѣческую мысль, свою свободу. Я ничего не зналъ и не знаю выше своей мысли, я боготворилъ ее, — и развѣ она не стоила этого? Развѣ, какъ исполнь, не боролась она со всѣмъ міромъ и его заблужденіями... Развѣ я не былъ и великъ, и свободенъ, и счастливъ? Какъ средне-вѣковъ баронъ, засѣвшій словно въ орлиномъ гнѣздѣ, въ своемъ неприступномъ замкѣ гордо и властно смотритъ на лежащія внизу долины, — такъ непобѣдимъ и гордъ былъ я въ своемъ замкѣ за этими черепными костями. Царь надъ самимъ собою, я былъ царемъ и надъ міромъ!

И мнѣ измѣнили. Подлю, коварно, какъ измѣняютъ женщины, холопы. и мысли. Мой замокъ сталъ моею тюрьмой. Въ моемъ замкѣ напали на меня враги,—гдѣ же спасеніе?... Кто сильный спасетъ меня? Никто! Никто! Ибо никого нѣтъ сильнѣе меня, а я—я и есть единственный врагъ моего «я». Подлая мысль измѣнила мнѣ, тому, кто такъ вѣрилъ въ нее и ее любилъ... И меня, ея творца, ея господина, она убиваетъ съ тѣмъ же равнодушіемъ, какъ я убивалъ ея другихъ... («Мысль»—Андреева). И вотъ этотъ поклонникъ могущества своей мысли бѣжитъ въ башню, склоняется надъ пыльными манускриптами старинной библіотеки и—«только два раза обернулось солнце вокругъ земли, а онъ уже старикъ, и подъ бременемъ страшныхъ испытаній, ужасной правды о дѣлахъ человѣческихъ и Божіихъ горбится его молодая спина... «Если говорить онъ,—если все правда въ этихъ пожелтѣвшихъ листахъ, то кто же властитель міра: Богъ или Сатана? Ужасна правда дѣлъ человѣческихъ!»

Такъ въ глазахъ современнаго намъ литературно-художественнаго анализа жизни въ извѣстномъ произведеніи Андреева «Черныя маски», на вершинахъ могущества культурнаго человѣка невѣдомое обращается противъ него, меркнетъ его жизнерадостная бодрая увѣренность въ своихъ силахъ; его веселіе обращается въ предсмертную тоску; забава—въ адскую музыку коварной насмѣшки а, побѣдительница стихій—мысль—въ трусливое, лишенное образа и формы чудовище. Въ смятеніи и ужасѣ бѣжитъ онъ и изнемогаетъ въ борьбѣ съ самимъ собою: каждый его шагъ впередъ только приближаетъ къ послѣдней и страшной очной ставкѣ съ непобѣжденнымъ мракомъ, къ предѣльной грани быванія, за которой встаетъ во весь ростъ ужасъ безцѣльности съ безсиліемъ убѣжать отъ тысячи сомнѣній, отъ тысячи боязней жизни, съ одной лишь несомнѣнной истиной въ перспективѣ—смертію. Такимъ образомъ, у самоутверждающейся личности человѣка не хватало силъ для противопоставленія себя міру, не нашлось основанія въ наслѣдствѣ вѣковъ его мысли для утвержденія своей личности передъ лицомъ вѣковъ мірозданія.

Такъ кончается трагедія одинокаго я, равнаго себѣ сверхчеловѣка, безымяннаго атома въ ураганѣ безчислен-

ныхъ частицъ, который, «спрѣдя изъ ночи, возвратится къ ночи и станетъ безслѣдно въ безграничности времени немислимый, нечувствуемый, не знаемый никѣмъ». И невольно приходитъ на память слова древняго индивидуалиста, скептика и фаталиста: «Всему и всѣмъ одно... Когда я обратилъ сердце свое на то, чтобы познать мудрость и познать глупость и безуміе, то узналъ, что и это за тѣи вѣтренныя... У мудраго глаза его—въ головѣ его, а невѣжда во тѣмѣ ходитъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ я знаю, что одна участь постигаетъ насъ всѣхъ... Человѣкъ не можетъ постигнуть дѣла, которыя дѣлаются подъ солнцемъ; сколько бы человѣкъ не трудился въ изслѣдованіи, онъ всетаки не достигнетъ этого». Такъ сказалъ Екклезіастъ. Такъ—«Долой же съ трона!» кричитъ теперь человѣкъ своей царицѣ—мысли... Но тутъ же рядомъ слышится вновь: „Гдѣ я найду то вѣчное, то неизмѣнное, къ чему я могъ бы прилѣпиться со своимъ жалкимъ и безличнымъ, до ужаса одинокимъ своимъ „я“..“

Но не даромъ уже на зарѣ своего существованія такъ дорого человѣкъ заплатилъ за первую попытку самоопредѣленія и самоутвержденія своей личности, когда онъ съ особеннымъ вниманіемъ остановился у древа познанія и духъ его, въ жаждѣ знанія, не отступилъ передъ запрещеніемъ, не устранился вѣчнаго проклятія.

«Упорствовать и мыслить—вотъ чѣмъ (мы)»

(Сказалъ онъ съ гордостью себѣ)

Особый міръ создать въ себѣ способны,

Міръ внутренній, гдѣ бѣ внѣшній исчезалъ;

Вотъ способъ нашъ приблизиться къ природѣ

Духовныхъ силъ и побѣдить свою (Байронъ—

«Каинъ»).

И человѣкъ неизбытно настойчивъ въ своемъ извѣчномъ стремленіи вновь и вновь онъ обращаетъ свой взоръ и—замѣйте!—не куда нибудь, а къ нему, къ тому Творцу міровъ, безъ котораго онъ въ дерзновеніи своей мысли мечталъ создать свой міръ такой глубокой и причудливый въ красотѣ своей, чтобы сами небесныя духи, глядя въ него, забыли красоту и величіе своихъ вершинъ. И въ этомъ обращеніи съ первыхъ же шаговъ слышится гордость духа царственнаго происхожденія... Нѣтъ, кня-

нуся небесами» гдѣ царствуетъ лишь онъ, Творецъ мі-
 ровъ, „за все“.
 Что въ вѣчности таинственной сокрыто,
 Въ пространствѣ, не имѣющемъ конца,
 Во мракѣ безднъ неизмѣримыхъ ада,
 За далью безпредѣльною вѣковъ,
 За все, за все я съ нимъ бороться буду:
 За міромъ міръ и за звѣздой звѣзда,
 За новою вселенною другая.
 Трястися на вѣсахъ должны, пока
 Пока конецъ борьбы великой не наступитъ,
 Съ конечнымъ истребленіемъ Его.
 «Или моимъ» («Кайнъ» Байрона):
 И волны этой борьбы, подымаясь въ вѣкахъ,
 докатились и до нашихъ дней, не уменьшаясь,
 не стихая, не ширясь, разростаясь,
 углубляясь. Но прислушиваясь къ
 рокоту этихъ волнъ, уже не слышишь въ нихъ царствен-
 ной гордости титановъ, бросающихъ когда то открыто въ
 небо камни; не замѣтно уже въ нихъ и обольстительной
 красоты открытаго вызова небу демоническихъ силъ, такъ
 романтически у Мильтона, Байрона, Гёте, А. Толстого,
 Лермонтова, опозтизированныхъ въ лицѣ Сатаны, Люци-
 фера, Мефистофеля, Демона, Дьявола.; нѣтъ тутъ и без-
 зумно дерзкой попытки новаго Прометея открыто протя-
 нуть руку къ жертвеннику въ небесахъ за огнемъ без-
 смертнаго знанія, нѣтъ, современный духъ, воюющій съ
 небомъ, менѣе аристократиченъ въ обнаруженіи своихъ
 возможностей, онъ уже не похожъ на вечерній ясный;
 или на «вихорь шумный» (Лермонтовъ), нѣтъ, онъ ме-
 нѣе богатъ красивой позой и блескомъ своего внѣшняго
 вызова небу; больше того, по словамъ Л. Андреева, онъ,
 «безсмертный въ числахъ, вѣчно живой въ мѣрѣ и вѣ-
 сахъ», даже и совсѣмъ демократиченъ съ оттѣнкомъ бур-
 жуазно-мѣщанской окраски. Усталый, разочарованный въ
 своемъ поклоненіи теоріи позитивнаго (опытно-научнаго)
 прогресса Человѣчества съ отрицаніемъ личнаго Бога и
 съ вѣрою во всеблаженное Человѣчество, имѣющее когда-
 то на костяхъ и крови мириардовъ предшествовавшихъ
 поколѣній свой пиръ пировать и быть счастливымъ; не-
 удовлетворенный и своей мистической (религіозной) тео-
 ріей прогресса съ его вѣрою въ будущее оправданіе въ

Богъ настоящей міровой дисгармоніи, теоріи, оставляющей открытымъ для человѣка вопросъ о существованіи зла и страданія рядомъ съ признаніемъ разумнаго, благого и мощнаго Начала; рѣзко возставая вообще противъ попытки осмыслить бессмыслицу настоящаго гармоніей будущаго; настаивая, требуя признанія самодовлѣющей цѣнности каждой личности во всей полнотѣ и широтѣ ея переживаній теперь же, а не черезъ 1000 лѣтъ, — этотъ воинствующій съ небомъ духъ современности съ логической неизбѣжностію останавливается на необходимости непринятія міра вслѣдствіе безцѣльности его, на необходимости уничтоженія его. „Я“ — говоритъ онъ, присуждаю эту природу, которая такъ безцеремонно и нагло произвела меня на страданіе, вмѣстѣ со мною къ уничтоженію»... (Достоевскій «Дневникъ писателя» № 1876 № 10). «Я — талантливъ я, настойчивъ; я открою одну вещь, въ которой давно назрѣла необходимость. Эта вещь взрывчатое вещество необыкновенной силы... И я взорву на воздухъ проклятую землю» («Мысль»), кричитъ онъ. Но вѣдь это только угроза «свирѣпѣйшей имманенціи», т. е. теоретически-логическаго умозаключенія, какъ говорилъ когда-то Герценъ («Былое и Думы» гл. XXX), а вѣдь логика — логикой, а въ носителѣ ея, человѣческомъ духѣ, есть еще непосредственное чувство жизни, которое сильнѣе всѣхъ логическихъ разсужденій протестуетъ противъ разрушенія и смерти. Не принимая міра въ его наблюдаемой дисгармоніи умомъ, логикой, на почвѣ именно этаго „чувства жизни“, духъ современности, сживается съ нимъ, привыкаетъ къ нему. „Не вѣрую я въ жизнь“, можетъ сказать современный человѣкъ словами Ивана Карамазова, — „разувѣрься въ порядкѣ вещей, убѣдись даже, что все, напротивъ, беспорядочный, проклятый и, можетъ быть, бѣсовскій хаосъ, порази меня хоть всѣ ужасы человѣческаго разочарованія, — а я всетаки захочу жить и ужъ какъ припалъ къ этому кубку, то не оторвусь отъ него, пока его весь не осию... Центростремительной силы еще страшно много въ нашей планетѣ. Жить хочется, и я живу, хоть бы и вопреки логикѣ. Пусть я не вѣрю въ порядокъ вещей, но дороги мнѣ клейкіе, распускающіеся весной листочки, дорого голубое небо, дорогъ иной человѣкъ котораго иной разъ и не знаешь за что

и любишь дорогъ иной подвигъ человѣческой... Клейкіе весенніе листочки, голубое небо люблю я, вотъ что! тутъ не умъ, не логика, тутъ нутромъ, тутъ чревомъ любишь».. (Достоевскій). И духъ современности, воюя съ небомъ и землей, все же любитъ жизнь, любитъ ее «нутромъ», «чревомъ» ее любитъ, любитъ безотчетнымъ чувствомъ, влекущимъ къ міру и жизни, даже безъ попытки разложить или опредѣлить это цѣльное, смутное чувство. И полюбилъ онъ эту жизнь прежде и больше, чѣмъ самый смыслъ ея. Это неопровержимый психологическій фактъ, какъ основной законъ бытія, воспринятый всѣмъ сущимъ въ мірѣ, фактъ, который, конечно, не лишаетъ человѣка дара строить логическія умозаключенія въ цѣляхъ разумнѣнія законовъ этой жизни, какъ не исключаетъ и отдѣльных случаевъ устраненія себя отъ этого кубка жизни (самоубійства) силою личнаго желанія, что въ такомъ случаѣ свидѣтельствуемъ лишь о преобладаніи въ энергіи такой личности силы центробѣжной надъ центростремительной, а никакъ не говоритъ противъ факта всеобщей значимости въ человѣкѣ чувства безотчетнаго влеченія къ міру и жизни. Вотъ почему, приравъ къ этому кубку своими жадными губами, онъ не можетъ, онъ не въ силахъ, въ своей жаждѣ полноты бытія, оторваться отъ него. Только въ своемъ стремленіи осилить этотъ кубокъ, онъ, этотъ вопрошающій небо духъ современности, суммируя въ себѣ господствующія въ современномъ человѣкѣ питанія, спускается въ своей отрицательно-воинствующей дѣятельности и замыслахъ до той Сологубовской «сѣрой недотыкомки», до того «мелкаго бѣса» современности, который, увлекаясь сомнительной цѣнностію буржуазныхъ идеаловъ, въ биржевой азартной игрѣ спекулируетъ въ цѣляхъ личнаго расчета, на пониженіи самыхъ высокихъ, самыхъ устойчивыхъ существующихъ цѣнностей—цѣнностей Богочеловѣческаго происхожденія. Вотъ онъ въ художественномъ синтезѣ (воспроизведеніи) творчества Л. Андреева—вотъ онъ такъ много нашумѣвшій Анатема, сѣрый, осторожный и гибкій, какъ змѣя», этотъ—«нѣкто, преданный заклятью», безконечно далекая разновидность Сатаны, Люцифера, Демона, Дьявола. Это не духъ мощнаго противленія, неизмѣнный и непреклонный въ своей злобѣ,—нѣтъ, это «духъ безпокойный

и торопливый», сосредоточіе «безплодныхъ думъ и неразрѣшенныхъ, отъ вѣка поставленныхъ вопросовъ»... «Въ мучительной погонѣ за вѣчно ускользающимъ, онъ мечется въ безмолвныхъ корчахъ, какъ червь подъ пятою» и — «хитрый» — онъ скрываетъ свой страхъ подъ личиною насмѣшки и легкой дерзости; въ немъ — воплощеніе чело-вѣческаго ума, тоскующаго по истинѣ, но «никогда не способнаго постичь ее». Это — діаволъ, который почитаетъ себя вѣдающимъ «законы чиселъ» и «книгу судьбы». Онъ почитаетъ себя великимъ и могучимъ и терзаетъ безуміемъ слабыхъ, губить въ тоскѣ и безплодномъ отчаяніи подчинившихся ему людей... Это мерзвѣйшій, въ немъ нѣтъ иного содержанія, кромѣ жажды могущества; у него нѣтъ другихъ силъ, кромѣ способности высчитывать, вычислять и захватывать все то, что только можно захватить; это — въ подлинномъ смыслѣ понятіе формальное, пустая оболочка, гдѣ есть сознаніе, но нѣтъ нравственной личности; гдѣ есть «я», но нѣтъ у него жизни, такъ какъ это я лишено жажды подвига и самоотверженія; это — холодный пунктъ математическаго преломленія разрозненныхъ животныхъ силъ. (М. Рейснеръ Л. Андреевъ и его соціолог. ид. 35 ст.). Въ соответствіи съ столь разнообразными возможностями природы Анатэмы, гибкости и эластичности ея, онъ, называя себя «премудрымъ»; въ то же время, если нужно, спускается до роли шута, клоуна, обезьяны, все время кривляется и ломается. То онъ становится въ надмѣнно-вызывающую театральную позу, то ползаетъ на брюхѣ, то яростень, то трусливо пресмыкается, рабѣнно умоляетъ, мечется, вопить, выкрикивая разную бессмыслицу и зоветь къ себѣ на помощь, то хохочетъ, притворяется беззаботнымъ и болтаетъ съ притворною развязностию. Озираясь пугливо и дико, «припадая къ сѣрымъ камнямъ, онъ ложится на брюхо и нерѣшительными, зигзагообразными движеніями, тихо крадется къ «предѣламъ уменостигаемаго міра», гдѣ, «за желѣзными вратами, угнетающими землю своей неимоверной тяжестью, въ безмолвіи и тайнѣ, обитаетъ начало всякаго бытія, Великій Разумъ вселенной», и приблизившись, нежданномъ ударомъ своей логики, рассчитываетъ поразить „Нѣкоего“, охраняющаго входы, но тутъ же пугается своей дерзости и, вскочивъ на ноги, смѣетъ

ся вызывающе и злобно: Затѣмъ присаживается на камнѣ и съ видомъ свободнымъ и независимымъ бросаетъ мелкіе камышки къ ногамъ «Нѣкоего»... и хохочетъ. Спекулянтъ — биржевикъ по натурѣ, онъ не прочь прибѣгнуть и къ дѣятельности того честнаго биржевого маклера, «съ черномъ сюртукѣ изъ тонкаго сукна, въ черномъ цилиндрѣ и черныхъ перчаткахъ, съ бѣлымъ галстухомъ» (таковъ иногда, по свидѣтельству Андреева, костюмъ у Анатэмы), — который (маклеръ) сплошь и рядомъ предпочитаетъ устраивать дѣла между четырехъ глазъ, забѣгая съ чернаго хода... Съ увѣтливой лаской, съ неискренно подчеркиваемымъ уваженіемъ къ добросовѣстности исполненія «охраняющимъ входы» своихъ обязанностей, — онъ вкрадчиво говоритъ ему: «Не гнѣвайся; какъ добрый другъ, пришелъ я къ тебѣ и молю покорно: открой на мгновение тяжелыя врата и дай заглянуть мнѣ въ вѣчность. Ты не смѣешь? Но, быть можетъ, разошлись отъ старости могучія врата»; невинно подсказываетъ онъ путь обхода долга — «и въ узенькую щель, никого не тревожа, сможетъ заглянуть несчастный, честный (слышите? — честный!) Анатэма — укажи ему знакомъ. Тихонько, на брюхѣ, я подползу, взгляну — и уползу обратно, и онъ, Великій Разумъ, не будетъ знать. А я буду знать и стану Богомъ! стану Богомъ! стану Богомъ! Такъ давно уже мнѣ хочется стать Богомъ — и развѣ плохой бы я былъ Богъ? Смотри!.. И онъ становится въ надмѣнную позу, потомъ хохочетъ; поджавъ ноги, усаживается на камнѣ и бросаетъ игральныя кости...

(Продолженіе будетъ).

Рѣдкое торжество въ с. Мильцахъ.

Прихожанами Троицкой церкви села Милецъ, Полтавскаго уѣзда, было подано прошеніе Преосвященному Епископу Георгію, о разрѣшеніи взять изъ села Горбаневки чудотворную икону «Горбаневской Божіей Матери» въ село Мильцы на два дня, чтобы помолиться предъ ней. Владыка положилъ такую резолюцію: «Разрѣшается, если нѣтъ препятствій отъ о. благочиннаго и приходскаго священника».

Въ день храмоваго праздника прихожане были увѣдомлены священникомъ, что святая икона чудотворная будетъ завтра, т. е. на третій день Св. Троицы, принесена въ церковь села Милецъ и было разъяснено, какъ подобаетъ встрѣчать святую икону. При этомъ приглашены были и присутствовавшіе на храмовомъ богослуженіи сторонніе богомольцы изъ ближнихъ и дальнихъ весей, прибывшіе въ храмъ, дабы тѣмъ усугубить небывалое въ деревнѣ торжество.

8-го іюня, въ четыре часа утра начался благовѣстъ къ литуріи. Послѣ совершенія проскомидіи крестный ходъ во главѣ со священникомъ, діакономъ и псаломщикомъ, ровно въ половинѣ шестого часа, вышелъ изъ церкви, для встрѣчи святыни.

Икона была встрѣчена на половинѣ дороги между селами: Мильцами и Горбаневкой, отстоящихъ одно отъ другого на разстояніи трехъ верстъ. Икону несли изъ села Горбаневки въ кіотѣ, такъ-же крестнымъ ходомъ, во главѣ съ о. благочиннымъ священникомъ Димитріемъ Заблоцкимъ, псаломщикомъ и хоромъ пѣвчихъ. Икону окружала густая толпа народа, а женщины и дѣвицы шли впереди иконы и устилали путь, по которому несли икону, цвѣтами и травой.

По дорогѣ къ церкви были освящаемы колодцы и совершаемы въ избахъ краткіе молебны съ прочтеніемъ, по частямъ, акаѣиста Покрову Божіей Матери. Наконецъ, крестный ходъ съ иконой достигъ храма и началась Божественная Литургія.

Икона была положена среди церкви на аналогіи украшенная цвѣтами, и желающіе приложиться къ Св. образу могли свободно подходить и прикладываться.

Литургію совершалъ о. благочинный священникъ Димитрій Заблоцкій съ мѣстнымъ настоятелемъ священникомъ Викторомъ Дьяченко и о. діакономъ Іоанномъ Дорошевымъ.

Пѣлъ хоръ пѣвчихъ Мильчанскихъ и Горбаневскихъ подъ управленіемъ опытнаго и трудолюбиваго псаломщика Димитрія Яковлевича Клепачевского, нѣкоторыя пѣснопѣнія были исполнены художественно. Вся очень вмѣстительная церковь была наполнена народомъ. Отъ начала и до конца горѣла люстра, а богомольцы въ большинствѣ стояли

съ возженными свѣчами. Послѣ заамвонной молитвы о благочиннымъ было сказано народу пространное и довольно прочувствованное слово, въ которомъ проповѣдникъ выяснилъ, какъ должно встрѣчать святыню, говорилъ, что встрѣчая икону Божіей Матери, мы встрѣчаемъ Саму Владычицу нашу Богородицу и Приснодѣву Марію, и что въ этомъ случаѣ и въ этотъ моментъ невольно вспоминаются слова Евангельскія: «откуда мнѣ сіе, да прииде Мати Господа моего ко мнѣ!» Именно, радость всѣхъ присутствующихъ была неописуемая! По окончаніи службы предъ образомъ Божіей Матери былъ отслуженъ молебенъ съ прочтеніемъ акаѣста Покрову Божіей Матери. Въ концѣ молебна о благочинный поздравилъ прихожанъ съ «торжествомъ принесенія Иконы Божіей Матери», и когда прихожане цѣловали крестъ, то усердно просили, чтобы священнослужителями была принесена Чудотворная икона въ дома жителей, какъ дѣлается въ Полтавѣ.

Затѣмъ икона была принесена въ домъ священника, гдѣ отецъ благочинный совершилъ молебенъ о здравіи священника, хозяина, и его семьи.

Послѣ сего, причты ходили со Св. Образомъ по перемѣнно по домамъ прихожанъ, гдѣ служили краткіе молебны съ акаѣстами, освящали иконы и колодцы. Только въ половинѣ девятого часа вечера, Св. Икона была принесена въ храмъ, гдѣ и оставалась до другого дня, такъ какъ причты успѣли обойти только половину села, а другая часть жителей села неотступно просила прійти къ нимъ со Св. образомъ на другой день. Около церкви на ночь стража была усилена по распоряженію духовенства.

Нельзя умолчать о томъ,—и не усмотрѣть въ этомъ чуда милости Матери Божіей,—что едва только успѣли внести Св. Образъ въ церковь, по принесеніи его изъ Горбаневки, какъ началъ идти сильный, но тихій и все оживляющій дождь и шелъ почти до самаго вечера. До этого времени стояла жара и была такая сильная засуха, что хлѣба стали выгорать. Это и побудило прихожанъ принести св. образъ въ село Мильцы и усердно просить Царицу Небесную не погубить насъ голодомъ, но послать Свою великую и богатую милость.

Вечеромъ того-же дня о. благочинный уѣхалъ къ себѣ домой, въ Горбаневку, а на другой день, 9-го іюня, мѣстный священникъ съ двумя псаломщиками, при колокольномъ звонѣ, съ четырехъ часовъ утра, началъ обходить дома прихожанъ со св. Образомъ.

Отрадно было смотрѣть съ какимъ усердіемъ и съ какою великою вѣрой встрѣчалъ народъ святыню. Не угасла еще вѣра въ сердцѣхъ простого народа и крупно любить русскій народъ исполнять завѣты старины. Около воротъ своего дома хозяинъ встрѣчалъ св. образъ, обвинялъ его полотномъ и благоговѣнно и торжественно несъ въ свою лачугу, а, по окончаніи молитвы, изъ дома выносила образъ хозяйка и при этомъ многократно благословляла и осѣняла св. образомъ свое жилище, послѣ чего образъ передавался слѣдующему домохозяину, желавшему, чтобы въ его грѣшной и убогой избенкѣ побывала чистая и драгоценная святыня и осватила своимъ входеніемъ его убогое жилище.

Такъ-же, какъ и наканунѣ, святились колодцы, иконы и служились молебны съ акаѣистомъ и только къ 12 часамъ дня окончено было хожденіе и моленіе со Св. образомъ въ селѣ Мильцахъ.

Когда святая икона была принесена въ храмъ, то тутъ уже дождалася депутація отъ жителей деревни Куклинцы этого же прихода. Депутація усердно и настойчиво просила, чтобы святыня побывала и въ ихъ грѣшныхъ палестинахъ. Такъ какъ Куклинцы отстоятъ отъ Милецъ на разстояніи одной версты и изъ Куклинецъ можно пройти прямымъ путемъ на Горбаневку, не возвращаясь въ Мильцы, то, при согласіи всего причта, рѣшено было удовлетворить просьбу жителей деревни Куклинцы. Послѣ довольно продолжительнаго сборнаго благовѣста и собранія народа, пришедшаго въ большемъ количествѣ проводить «Нечаянную радость» свою дорогую небесную гостью, св. образъ былъ поднятъ священникомъ и, по обнесеніи вокругъ престола, вынесенъ изъ церкви. Когда св. образъ выносили изъ Мильчанской церкви, то на всѣхъ присутствующихъ, не исключая и причта, нашла такая скорбь и печаль, что, начиная священникомъ и кончая малыми дѣтьми, всѣ плакали навзрыдъ, такъ было тяжело разставаться со святыней. По обнесеніи св. образа вокругъ

храма, шествіе двинулось въ путь по направленію къ Куклинцамъ, при торжественномъ колокольномъ звонѣ, продолжавшемся очень долго.

Хотя Куклинцы расположены въ неудобномъ для хожденія и гористомъ мѣстѣ, но со святымъ образомъ всѣмъ ходить было легко и радостно; усталости никто не чувствовалъ. Всѣ были веселы и довольны: ощущалось невидимое присутствіе Бога, Его Пречистой и Святой Матери, св. ангеловъ и св. угодниковъ Божіихъ, сопровождающихъ свою Небесную Госпожу, Царицу и Владычицу.

Когда желающіе брать св. икону въ свои жилища были удовлетворены въ религіозно-молитвенномъ настроеніи всѣ до одинаго, то крестный ходъ направился въ с. Горбаневку. Дорогой былъ прочитанъ священникомъ акаѳистъ Покрову Богоматери и нѣсколько разъ была прочитана съ колѣнопреклоненіемъ молитва ко Пресвятой Богородицѣ. Пѣвчіе съ псаломщиками неумолкаемо пѣли ирмосы: «Отверзу уста моя»... и другія священныя пѣнопѣнія.

Невозможно умолчать о томъ, какъ народъ узнавъ о несеніи Чудотворнаго образа, выходилъ встрѣчать и приглашать въ свои дома изъ другихъ сосѣднихъ приходоу м. Мачехъ.

Ужъ очень съ вѣрою и усердіемъ они просили: падали на колѣни и неудержимо плакали, но къ величайшему прискорбію, ихъ желанія никакъ невозможно было удовлетворить, такъ какъ на это не было разрѣшенія начальства.

Когда крестный ходъ, при колокольномъ звонѣ, вошелъ въ с. Горбаневку, то жители выходили встрѣчать свое «сокровище» и усыпали собою всю улицу, прилегающую къ церкви.

Дорогоу, желавшихъ поднять на свои грѣшныя рамена кіотъ съ чудотворнымъ образомъ было такое обиліе, что выходила чуть не ссора, кому нести, и приходилось успокаивать и устанавливать очередь въ несеніи кіота.

Послѣ совершенія въ храмѣ краткаго молебна св. образъ былъ установленъ на свое всегдашнее мѣсто.

Такъ закончилось доселѣ небывалое торжество въ селѣ Мильцахъ.

Какъ встрѣчать, такъ и провожать св. Небесную Гостью, пришло очень много народа. Когда въ домахъ служили молебны, то всякій домъ былъ биткомъ набитъ посторонними людьми и все время пребывания св. образа въ Мильцахъ, его сопровождало много людей, усердно и благоговѣнно молившихся.

Мысль о принесеніи св. образа въ Мильцы, еще со дня поступленія въ Мильцы, запала въ сердце священнику Дьяченко и, благодаря Бога, хотя не скоро, но осуществилась. Труды и хлопоты по устройству сего торжества принадлежатъ жителю с. Милецъ, крестьянину Адриану Степановичу Ткачу, вѣрному и преданному сыну Св. церкви.

Дай Богъ, чтобы побольше и почаще устраивались подобныя торжества, отъ нихъ пользы было бы не мало. Теперь говорятъ и пишутъ больше о томъ, что наша деревня больна, и задаются вопросомъ, какъ бы деревню оздоровить и предлагаютъ разные способы оздоровленія.

Пишущему эти строки думается, что лучший и вѣрнѣйшій способъ оздоровленія деревни это устройство религіозныхъ празднествъ и крестныхъ ходовъ со святынями, т. е. чтимыми Чудотворными иконами, подобно тому, какъ это было устроено въ с. Мильцахъ. Въ иные годы въ Мильцахъ, — думается, и въ другихъ приходяхъ, — послѣ храмового праздника жители опохмеляются почти всю недѣлю, послѣ чего происходятъ ссоры, драки, кражи, гульбища съ расхаживаніемъ по селу и распѣваніемъ разныхъ безнравственныхъ пѣсень, съ танцами и музыкой, а принесеніе св. образа удержало хотя часть людей отъ всего этого и, что всего важнѣе, удержало жителей отъ выпивокъ и соблазнительныхъ разгуловъ на всѣ праздники. — Жители приготовляли себя къ достойной встрѣчи св. образа еще съ кануна перваго дня Св. Троицы: воздерживались отъ яствъ, паче же отъ питій, и этимъ оградили свои души отъ грѣха, а карманы избавили отъ убытка.

«Покрый насъ всѣхъ, Госпоже Царице, отъ всякаго зла честнымъ Твоимъ Омофоромъ».

Священникъ *Викторъ Дьяченко*.

Кременчугскіе старообрядцы и обращеніе ихъ въ единовѣріе.

Раскольники въ Кременчугѣ впервые появились въ послѣдней четверти XVIII вѣка, послѣ присоединенія Крымскаго полуострова. Съ присоединеніемъ этого полуострова, правительство много было озабочено устройствомъ южной части Россіи, построеніемъ въ ней городовъ, крѣпостей, пристаней. Для этихъ работъ выписывалось не мало рабочихъ изъ великороссійскихъ губерній, а также оружейныхъ мастеровъ изъ Тулы. Послѣ взятія Очакова, одинъ изъ маркитантовъ, нѣкто Бирюковъ поселился въ Кременчугѣ, приобрѣлъ домъ и открылъ молельню. Къ нему присоединились не мало другихъ рабочихъ изъ великороссійскихъ губерній, призванныхъ на работу по устройству Херсонской крѣпости и Николаевской пристани. Такъ появились раскольники въ Кременчугѣ. Къ пріѣзду въ этотъ городъ, въ 1787 г. Императрицы Екатерины II эту молельню приказано было уничтожить, но по слѣдствію, Бирюковъ, на огромной левадѣ своей, уступилъ участокъ земли, гдѣ и была вновь построена молельня или часовня. Около нея затѣмъ начинаютъ строиться небольшіе домики, которыя населяются раскольниками, по преимуществу, женщинами и образуется скитъ. Въ началѣ XIX вѣка, эта часовня или, лучше, вся площадь подаренная Бирюковымъ, была обнесена съ трехъ сторонъ очень высокимъ заборомъ, а съ четвертой примыкала къ большой левадѣ, все это, благодаря высокому забору скрывалось отъ наблюденія, а власти нисколько не интересовались знать, что тамъ внутри дѣлается. А раскольники къ часовнѣ пристроили колокольню, алтарь и начали совершать богослуженіе, на что не имѣли права безъ разрѣшенія власти. Кн. Репнинъ, тогдашній генералъ-губернаторъ, узнавъ о постройкѣ колокольни и алтаря, ничего не предпринялъ, а въ 1827 году распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ алтарь былъ запеча-

1) Очеркъ этотъ изложенъ на основаніи матерьяла, хранящагося въ архивѣ Полтавскаго Губернскаго Правленія, гдѣ есть о немъ 5 связокъ. Первые четыре подл. № 2 1837., и заключаютъ 943 листа. а послѣднее, гдѣ собранъ статистическій матерьялъ о раскольникахъ и вообще сектантахъ въ Полтавской, Черниговской и Харьковской губерніи, подл. № 22, отъ 25 февраля 1842 года. Для сокращенія, мы цитируемъ листы дѣла.

танъ и богослуженіе было запрещено. Но полиція оставила боковыя двери не опечатанными и раскольники продолжали посѣщать храмъ... Раскольники подали жалобу за опечатаніе алтаря, но Императоръ Николай I призналъ жалобу не заслуживающей уваженія. А скитъ между тѣмъ разросался; всѣхъ домиковъ или отдѣльных келій было 69 и въ немъ было 264 души, въ томъ числѣ 29 д. мужского пола и 235 женскаго ²⁾). Такая же часовня была устроена и въ Крюковѣ, въ 1802 году. Оказывается, что она разрѣшена была новороссійскимъ губернскимъ правленіемъ, на основаніи городского положенія и указовъ 1795 и 1796 годовъ. Впослѣдствіи, по случаю нашествія французовъ въ 1812 году и появленія чумы въ ближайшихъ къ Крюкову мѣстахъ, старообрядцы дали клятву передъ Богомъ устроить въ той часовнѣ богослуженіе, приношеніе Всевышнему безкровной жертвы и молитвословіе о здравіи и спасеніи Государя и царствующаго дома. Въ 1817 г. въ этой часовнѣ былъ устроенъ алтарь, престоль и жертвенникъ, освящена эта часовня въ храмъ Пресвятыя Богородицы по антиминсу 1649 г., полученному отъ бывшаго архіепископа ростовскаго и ярославскаго Θεодосія, выданному на имя церкви Рождества Пресвятыя Богородицы. Все это было сдѣлано безъ разрѣшенія кн. Репнина, замѣтившаго, что надо было испросить разрѣшеніе.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1836 г. Оберъ-Прокуроръ Св. Синода увѣдомилъ генераль-губернатора гр. Строганова, что въ посадѣ Крюковѣ, при раскольничьей часовнѣ, появился бѣглый попъ Іосифъ Якунинъ, который исправляетъ всякія требы, и совершаетъ въ неосвященномъ храмѣ литургію. Этотъ Якунинъ бываетъ и въ Кременчугѣ, гдѣ, нисколько не стѣсняясь, рѣзко отзывался о православіи. Эти свѣдѣнія Оберъ-прокуроръ получилъ отъ Екатеринославскаго епископа. Объ этомъ былъ сдѣланъ запросъ министра внутреннихъ дѣлъ губернатору Могилевскому. И оказалось, что въ мартѣ мѣсяцѣ 1834 года явилась къ генераль-губернатору кн. Репнину депутація отъ общества съ просьбою разрѣшить прибывшему изъ Калужской губерніи Іосифу Иванову Якунину совершать при старо-

2) 1837. 2 л. 121—126.

обрядческомъ храмѣ требы и священнослуженія, при чемъ представили грамоту, выданную Якунину Калужскимъ епископомъ Евгеніемъ. Кн. Репнинъ разрѣшилъ. Этотъ бѣглый священникъ Якунинъ былъ посвященъ въ санъ священника въ 1814 году. Два раза онъ былъ штрафованъ, первый разъ за драку, второй разъ за порубку чужого лѣса, за что указомъ Синода былъ отданъ подъ надзоръ благочиннаго. Въ 1834 г. онъ былъ уволенъ въ отпускъ въ Москву на 12 дней, но въ срокъ не явился и ему было запрещено богослуженіе. Получилъ о немъ донесеніе и Полтавскій Преосвященный Гедeonъ, писавшій, что «бѣглый попъ Якунинъ, въ противность распоряженіемъ правительства, всѣми способами старается утвердить раскольниковъ Кременчуга и Крюкова въ закоренѣлыхъ предразсудкахъ и грубыхъ понятіяхъ о вѣрѣ». Полтавскій губернаторъ Могилевскій предписалъ Кременчугскому полицеймейстеру выслать Якунина за карауломъ въ Калужскую губернію. Но эта высылка была пріостановлена преосвященнымъ Гедеономъ. Оказывается, что къ нему явилась депутація отъ старообрядцевъ, изъявившихъ желаніе присоединиться къ православію, при чемъ обѣщали вскорѣ прислать «бумагу, гдѣ будетъ провисано основаніе». Почему такъ поступилъ преосвященный, сказать трудно. Быть можетъ, онъ думалъ этимъ Якунинымъ воспользоваться для своихъ цѣлей или, быть можетъ, не хотѣлъ раздражать старообрядцевъ, разъ они изъявили желаніе принять православіе¹⁾. Объ этомъ желаніи старообрядцевъ было донесено въ Петербургъ. Императоръ Николай I повелѣлъ черезъ министра внут. дѣлъ графу Строганову (преемнику кн. Репнина) войти въ соглашеніе съ епархіальною властью по вопросу о присоединеніи раскольниковъ. Въ маѣ мѣсяцѣ 1837 года графъ извѣстилъ объ этомъ преосвященнаго Гедеономъ, обѣщавшаго прибыть въ Полтаву въ половинѣ юня. Сейчас же, при обсужденіи этого вопроса встрѣтилось серьезное затрудненіе. Крюковъ, лежащій около Кременчуга, въ церковномъ управленіи былъ подчиненъ Екатеринославскому епископу. Графъ Строгановъ тотчасъ же ходатайствовалъ о перечисленіи его, въ этомъ отношеніи, въ Полтавскую

1) 1837. 2 отъ министра 16 апр. 1837 № 1113.

епархію. Въ бесѣдѣ о мѣрахъ, какія нужно принять въ дѣлѣ присоединенія старообрядцевъ. Пресвященный Гедеонъ, основываясь на донесеніи Кременчугскаго благочиннаго, Алексѣя Петрова, настаивалъ теперь на высылкѣ Якунина изъ Кременчуга, такъ какъ онъ, писалъ протоіерей, ходитъ по Кременчугу и возбуждаетъ старообрядцевъ. А губернаторъ Могилевскій теперь начинаетъ его защищать; словомъ, помѣнялись ролями. Губернаторъ, имѣя въ виду донесенія Кременчугскаго полицеймейстера, не находилъ ничего дурного въ дѣятельности этого священника. Тотъ же протоіерей Петровъ доносилъ епископу, что среди старообрядцевъ появился другой священникъ, Трифонъ Хламовъ, прибывшій изъ Новочеркасска ¹⁾). Хламовъ прибылъ въ Кременчугъ въ декабрѣ 1833 г., а въ февралѣ 1834 г. явилась къ графу Строганову депутація отъ старообрядческаго общества разрѣшить Хламову совершать богослуженія. Графъ Строгановъ снесся съ архіепископомъ Новочеркаскимъ Афанасіемъ, сообщившимъ, что до увольненія Хламова отъ священства онъ не былъ ни штрафованъ, ни судимъ, но все таки на просьбу графа Строганова дозволить Хламову совершать богослуженіе, архіепископъ отвѣтилъ, что Кременчугъ внѣ его епархіи и потому онъ не можетъ дѣлать никакихъ распоряженій. Но въ 1835 году архіепископъ Новочеркаскій, на основаніи указа Св. Синода отъ 29 іюня 1835 г., по которому предписывалось епархіальнымъ архіереямъ слѣдить, чтобы у раскольниковъ не появлялись «бѣглые попы» и въ случаѣ появленія, сообщалось бы объ этомъ губернаторомъ, просилъ выслать Хламова въ Новочеркаскую консисторію. Но Крюковскій полицеймейстеръ донесъ, что выслать Хламова нельзя, такъ какъ онъ находится и въ болѣзненномъ состояніи, да и тамошніе купцы Яковлевъ и Баньскинъ (видные агитаторы, какъ увидимъ далѣе) и изъ состраданія къ человѣчеству и дабы «черезъ пересылку за карауломъ въ зимнее время не подвергся совершенному разстройству въ здоровьи», просятъ отдать его на поручительство съ тѣмъ, что они сами представляютъ его въ Новочеркаскую консисторію и доставятъ въ исправной сдачѣ росписку. Полицеймейстеръ, видимо, покровительствовалъ богатымъ старообрядцамъ. Онъ

1) № 2 отношеніе министра 10 декабря, 1836, № 3013.

представилъ медицинское свидѣтельство штабъ—лѣкаря Шиндлера. Губернаторъ предписалъ установить строгій надзоръ надъ Хламовымъ, подѣ личною отвѣтственностью самаго полицеймейстера, о чемъ и донесъ министру внутреннихъ дѣлъ ¹⁾. Но какъ ни защищали Хламова полицеймейстеръ и губернаторъ, все таки послѣдовало Высочайшее повелѣніе о высылкѣ его къ архіерею той епархіи, изъ коей онъ бѣжалъ. Это было въ январѣ 1837 года ²⁾. Хламовъ пользовался большимъ уваженіемъ и довѣріемъ раскольниковъ и несомнѣнно, какъ склонный къ принятію единовѣрія, онъ могъ быть очень полезнымъ дѣятелемъ, что сознала въ послѣдствіи и администрація. Якунинъ же, агитировавшій среди нихъ, продолжалъ жить въ Кременчугѣ и преосвященный Гедеонъ просилъ графа Строганова удалить его изъ Кременчуга. Относительно же Хламова преосвященный писалъ, что раскольники изъявляютъ желаніе имѣть его у себя, но съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы теперь же обратиться къ православію ³⁾. Старообрядцамъ Хламовъ нравился и нѣсколько видныхъ купцовъ отправились къ нему въ Новочеркасскъ повидаться съ нимъ и просить его возвратиться къ нимъ. Но Новочеркасская консисторія намѣтила его отправить въ Ессентукскую козачью станицу для обращенія тамошнихъ раскольниковъ, но Хламову очень хотѣлось опять вернуться въ Полтавскую епархію, тѣмъ болѣе, что Логвиновъ завѣрилъ его, что всѣ старообрядцы желаютъ имѣть его священникомъ и просили его не принимать въ своей епархіи никакого мѣста. „Намъ де, говорилъ Логвиновъ Хламову, не позволяютъ послѣ васъ у Крюковского понадобы исправлять, кромѣ самымъ тайнымъ образомъ и потому не позволяютъ въ Кременчугѣ ни на шагъ, даже не позволено было ему за всѣмъ стараніемъ Петра Θεодоровича Смирнова ⁴⁾ умершую его жену похоронить и только еще остался попъ въ Черкасскомъ монастырѣ и тотъ постригся въ иночество а Крюковской на ниткѣ держится и общество де наше въ великомъ уныніи безъ священника... Хламовъ не терялъ надежды возвратиться,

1) № 2 отношеніе отъ 6 іюня 1836, № 139, л. 21—24.

2) № 2 предписаніе губернатора полицеймейстеру № 1, л. 25.

3) Письмо преосвященнаго 19 іюля 1837 года, № 272, л. 27.

4) Очень богатый купецъ.

о чемъ ходатайствовалъ и у протоіерея Алексѣя Петрова, прося его помочь ему совѣтами и просьбами у кого слѣдуетъ ¹⁾...

Этому же протоіерею Алексѣю Петрову, благочинному и начальнику духовнаго правленія, преосвященный Гедеонъ поручилъ вести бесѣды съ старообрядцами и постараться склонить ихъ къ православію. Протоіерей посѣтилъ на дому Василія Дмитриевича Столярова, виднаго среди старообрядцевъ. Вотъ какъ описываетъ свое посѣщеніе протоіерей Петровъ: «Былъ я нарочно въ домѣ В. Д. Столярова, дабы сколько ни есть сторонно проникнуть настоящія сокровенныя его мысли въ отношеніи присоединенія его съ брагійей къ единовѣрчеству и о томъ, согласны ли они, на такомъ основаніи, просить, гдѣ слѣдуетъ о возвращеніи къ нимъ Хламова, но за многими нашими разговорами, въ коихъ участвовалъ по преимуществу Харитонъ Хрусталева, сюда же, какъ полагаю я, по приглашенію хозяина явившійся, ничего добраго не замѣтилъ, какъ только того, что и прежде толковали они, чтобы остаться имъ до времени по прежнему. Впрочемъ, Хрусталева, оставшись со мною на единѣ, сказалъ: пора уже приниматься за умъ и слушаться тѣхъ, которые больше насъ знаютъ». И протоіерей былъ правъ. Хрусталева былъ однимъ изъ упорнѣйшихъ старообрядцевъ, ни сидѣнье въ Бобрѣйской крѣпости, ни долгое содержаніе въ Полтавѣ, о чемъ будетъ рѣчь дальше, ничто не повліяло на него и не поколебало его упорства. Среди своихъ собратій онъ отличался начитанностью. Протоіерей Петровъ увѣдомляетъ о всеобщемъ сожалѣніи старообрядцевъ о Хламовѣ, а объ Якунинѣ опять говорить, что онъ часто посѣщаетъ Кременчугъ и тѣмъ «зла дѣлаетъ очень много.» Преосвященный Гедеонъ опять ходатайствуетъ объ удаленіи Якунина, при этомъ пишетъ гр. Строганову, что нѣтъ основанія думать, какъ предполагалъ графъ, что старообрядцы, если будутъ лишены Якунина, перейдутъ въ другія секты: духоборческую или безпоповщину. «Изъ личнаго моего увѣщанія оныхъ раскольниковъ, писалъ преосвященный гр. Строганову, усматриваю, что не могутъ они рѣшиться на такое уклоненіе отъ своего раскола, когда поставляютъ себя въ обиду даже названіе

¹⁾ № 2 письмо см. л. 30.

раскольниковъ, признавая себя только старообрядцами и когда большая часть изъ нихъ рѣшительно желаютъ обратиться въ православіе. Одни старики удерживаютъ ихъ отъ исполненія своихъ желаній. Они объявили преосвященному, что будутъ писать условія, на которыхъ можно присоединиться къ православію и предварительно обѣщались показать ихъ ¹⁾. Но, какъ увидимъ, старообрядцы и не спѣшили, у нихъ не было желанія это сдѣлать, среди нихъ было не мало агитаторовъ, которые удерживали ихъ. Этихъ условій долго ждалъ преосвященный. Посѣщеніе имъ Кременчуга и бесѣда съ раскольниками привела его къ слѣдующимъ рѣшеніямъ. Онъ считалъ необходимымъ возвратитъ Хламова, о чемъ и ходатайствовалъ. Онъ считалъ необходимымъ устроить школу, что, по его мнѣнію, лучшее средство для обращенія старообрядцевъ. Вотъ интересный этотъ документъ, который помѣщаемъ цѣликомъ.

Ваше Сія—во!

М. Г.

Входя въ положеніе Кременчугскихъ раскольниковъ и лично убѣждая ихъ къ принятію православія, равно употребляя средство къ постепенному склоненію ихъ къ нашей церкви нахожу, что расколъ ихъ есть болѣзнь духа, усиленная временемъ и неумѣстнымъ послабленіемъ. По мыслямъ своимъ, многіе изъ нихъ близки къ присоединенію и можетъ быть скоро бы послѣдовала благотворная перемѣна, если бы не удерживали ихъ два именуемые ими законника. Въ прошедшемъ мѣсяцѣ, въ бытность мою въ Кременчугъ они сами пришли ко мнѣ какъ будто съ истиннымъ желаніемъ обращенія. Но сколько я ихъ не убѣждалъ исполнить свое желаніе безотлагательно, они желаніе свое откладывали на будущее время, дабы имъ можно было, какъ говорятъ, осмотрѣться и знать, на какихъ условіяхъ должно совершиться присоединеніе. Изъ таковыхъ обстоятельствъ заключаю, что слѣдующія средства, если приведутся въ исполненіе, могутъ быть благоуспѣшными къ склоненію Кременчугскихъ раскольниковъ на принятіе православной вѣры.

1) № 2. отношеніе Гелеона, № 296, отъ 25 авг. 1837 г

1. Непремѣнно удалить попа Якунина, какъ явно, такъ и тайно дѣйствующаго во вредъ нашей цѣли, удаленіе его заставило бы многихъ позаботиться о постоянномъ и благонадежномъ священникѣ.

2. Вызвать изъ Черкаска священника Хламова, бывшаго въ Кременчугѣ и опредѣлить его сперва въ село Старовѣровку ¹⁾, гдѣ его опредѣленіе могло бы въ Кременчугскихъ раскольникахъ произвести ревность и желаніе имѣть его вновь у себя, но куда онъ не могъ бы быть переведенъ иначе, какъ подъ условіемъ рѣшительнаго обращенія ихъ.

3. Завестъ подъ руководствомъ того же священника училище; куда бы раскольники по своей увѣренности могли отдавать дѣтей для воспитанія.

4. Отдѣлить теперь желающихъ присоединенія отъ нежелающихъ, дозволить первымъ въ нынѣшней часовнѣ имѣть богослуженіе православнымъ порядкомъ совершаемое и составить черезъ кого слѣдуетъ вѣрнѣйшую метрику и внимательно смотрѣть, дабы каждый годъ была какимъ либо благонадежнымъ членомъ повѣряема при сношеніи съ градскою полиціею.

5. Не позволять раскольникамъ имѣть у себя въ служеніи православныхъ, такъ какъ легко можетъ случиться, что простые по невѣденію пристанутъ къ ихъ расколу. А пользуясь таковымъ видимымъ обращеніемъ, будутъ другихъ легко привлекать въ тотъ же расколъ.

6. Прекратить всѣ отправляемыя ими публично церковныя церемоніи и даже можно бы было для опыта воспретить употреблять звонъ колоколовъ ²⁾ въ одно вре-

1) Константиновскаго уѣзда, населенное исключительно старообрядцами отчего и получило свое названіе.

2) Въ 1840 г. 7 декабря послѣдовало высочайшее повеленіе о запрещеніи колокольнаго звона на раскольничьихъ часовняхъ. Надо сказать, что это запрещеніе не было категоричнымъ, а предписывалось не предпринимать нарочныхъ розысканій „и губернаторамъ, сообразно мѣстнымъ условіямъ, если и предусматривать будутъ затрудненія въ исполненіи сей мѣры или найдутъ нужнымъ употребить въ семъ случаѣ особенную предосторожность, то представляли бы о семъ предварительно министерству внутреннихъ дѣлъ“. „Полтавскій губернаторъ Аверкѣвъ писалъ объ этомъ генералъ-губернатору въ 1841 г. и указывалъ, что колокола въ Кременчугѣ существуютъ болѣе 60 лѣтъ, а въ Крюковѣ 25 лѣтъ, а раскольниковъ до 2800 душъ и потому спрашивалъ, какъ поступить. Видимо, онъ не считалъ это серьезной мѣрой, могущей заставить раскольниковъ перейти въ православіе. Завязалась длинная переписка и запрещеніе колокольнаго звона, въ виду заявленія нѣкоторыхъ раскольниковъ принять единовѣріе, было отсрочено. (Арх. Г. Правл. 1841 № 2, особый отдѣлъ № 6).

мя съ православными. Предавая сіи замѣчанія на Ваше благоусмотрѣніе, честь имѣю и проч.

Гедеонъ, епископъ лѣтавскій и переяславскій ¹⁾).

Съ своей стороны и протоіерей Петровъ представилъ графу Строганову проэктъ мѣръ, могущихъ способство-

Графъ А. Г. Строгановъ.

вать обращенію старообрядцевъ въ православіе. Онъ прежде всего считалъ нужнымъ удалить изъ Крюкова Якунина. Всѣ предпринимаемыя мѣры писалъ онъ, не поведутъ къ благому результату, такъ какъ Якунинъ «развращаетъ ихъ ложнымъ своимъ ученіемъ и сильно вооружаетъ противъ православія». Но ходатайствуя за изгнаніе Якунина, онъ проситъ о возвращеніи въ Кременчугъ Хламова. «Большая часть раскольниковъ, писалъ онъ, по примѣрной трезвой его жизни и другимъ отношеніямъ, доселѣ преданы ему душевно и ожидаютъ возвращенія его съ нетерпѣніемъ въ тѣхъ именно мысляхъ, дабы идти въ слѣдъ его, куда онъ не поведетъ ихъ, въ единовѣрческую или другую церковь почему и можно его имѣть самымъ лучшимъ орудіемъ къ вразумленію заблудшихъ, на

²⁾ № 309 отъ Сент. 24 1837 года л. 42—43.

что есть въ немъ особенныя способности и сильное желаніе прислужиться симъ въ Кременчугѣ Церкви Божіей».

Бѣглыхъ поповъ не допускать совершать требы у раскольниковъ. Далѣе, существующія въ Кременчугѣ и Крюковѣ единовѣрческія церкви подчинить вѣдомству Полтавской епархіи, потому что прихожане ихъ большею частью изъ обратившихся раскольниковъ и «по своимъ въ общежитіи связамъ, удобно могли бы привлекать къ себѣ часовенныхъ, ежели бы священники ихъ своимъ поведеніемъ не соблазняли изъ нихъ послѣднихъ, которые, черезъ сіе и чуждаются ихъ церкви и съ оными священниками тогда можно было бы дѣйствовать за одно — стремиться къ одной цѣли, будучи подъ вѣдѣніемъ не двухъ, а одного епископа». Но этотъ вопросъ скоро былъ разрѣшенъ, посады Крюковъ былъ присоединенъ по дѣламъ церковнаго управленія къ Полтавской епархіи ¹⁾.

Протоіерей Петровъ проэктировалъ запретить раскольникамъ колокольный звонъ или разрѣшить его производить позднѣе церквей православныхъ, что можетъ «разстроить ихъ въ тѣхъ мысляхъ, въ коихъ нѣкоторые изъ нихъ предубѣждены, что имъ однимъ, яко правовѣрнымъ свыше, на вѣчныя предоставлено прежде всѣхъ воздавать черезъ звонъ хвалу Богу, а подрывъ иногда и одного суетвѣрнаго мнѣнія, можетъ потрясать цѣлое зданіе заблужденія». Далѣе, протоіерей проэктировалъ и чисто полицейскія мѣры: «пригрозить, ежели можно, упорнѣйшимъ раскольникамъ, которые превратнымъ ученіемъ своимъ служатъ другимъ препятствіемъ присоединиться къ православію и коихъ въ Кременчугѣ, въ числѣ 3000 ч. ¹⁾ не болѣе 20 человекъ и какъ изъ оныхъ же учителей есть таковыя, которые крещены въ велико-

²⁾ Отношеніе министра внутр. дѣлъ № 4794, отъ 30 сент. 1837 года, л. 43.

¹⁾ Цифра раскольниковъ не совсѣмъ точная. Въ 1837 г. при Кременчугской часовнѣ было 1095 муж. и 1216 женщинъ, безпоповцевъ 61 и женщ. 59. Въ Крюковѣ: при часовнѣ 180 мужч. и 216 жен., безпоповцевъ — 7 и женщинъ 16. (№ 2. № 116 отъ 7 ноября 1837). Въ 1841 г. губернаторомъ Аверніевымъ были собраны данныя. Въ Кременчугѣ было пріемлющихъ священство 649 и женщ. 673, не пріемлющихъ священство, но поклоняющихся иконамъ 1111 и жен. 1209. Въ Крюковѣ старообрядцевъ, пріемлющихъ священство 23 и женщ. 27, не пріемлющихъ священства 179 и женщ. 219. По губерніи было ихъ очень мало; были въ Лохвицѣ, Кобелякахъ, Ромнахъ, Пирятинѣ, Прилукахъ и въ Миргородскомъ уѣздѣ по 1 и не больше 3 ч. Всего въ Полтавскбй губ. 1968 муж. 2140 женщинъ, а изъ помѣщичьихъ крестьянъ 22 мужч. и 15 женщинъ (ч. 5, № 22, л. 3).

російскихъ церквахъ, то симъ наиболѣе обстоятельствомъ можно на нихъ дѣйствовать съ представленіемъ имъ тѣхъ худыхъ послѣдствій, которыя по закону дерзкихъ отступниковъ вѣры неминуемо постигнуть должны»¹⁾). По отношенію къ раскольникамъ, какъ мы уже сказали, была принята понудительная мѣра—запечатаніе царскихъ вратъ въ церкви Покрова Пресвятыя Богородицы.

(Продолженіе будетъ).

Успѣхи телеграфіи.

Изобрѣтеніе телеграфа, т. е. прибора, дающаго людямъ возможность при помощи условныхъ знаковъ обмѣниваться мыслями на разстояніи, представляетъ безъ сомнѣнія одинъ изъ самыхъ крупныхъ фактовъ цивилизаціи. Идея воспользоваться электричествомъ для телеграфированья, зародилась еще задолго до того времени, когда Вольта, профессоръ физики въ Павійскомъ университетѣ, и профессоръ медицины Гальвани открыли электрической токъ. Тогда извѣстно было только электричество отъ тренія (статическое электричество), мало пригодное для техническихъ цѣлей, а потому неудивительно, что даже болѣе удачныя попытки примѣнить его къ телеграфіи не получили дальнѣйшаго распространенія и были забыты. Въ шотландскомъ журналѣ «Scots Magazine» въ 1753 году было предложено неизвѣстнымъ изобрѣтателемъ чрезвычайно остроумное устройство телеграфа, но мысль эта не обратила на себя вниманія современниковъ, и приборъ этотъ не былъ даже построенъ. Позже въ 1774 году профессоръ математики въ Женевѣ Жоржъ Лесаажъ изобрѣлъ и собственноручно на свои средства построилъ первый электрической телеграфъ. Онъ провелъ между двумя пунктами, т. е. станціей отправленія и станціей назначенія 24 изолированныхъ, т. е. обмотанныхъ шелкомъ, проволоки. На концахъ проволокъ были подвѣшены по 2 маятника, представляющихъ изъ себя шарики изъ сердцевины бузины на ниткѣ. Каждая проволока называлась извѣстной буквой алфавита. Когда на станціи отправленія наэлектризовали проволоку, то на станціи назна-

1) № 2. 1837. л. 55.

ченія подвѣшанные маятники наэлектризовывались однимъ и тѣмъ же электричествомъ и расходились въ разныя стороны, такъ какъ тѣла, заряженные одноименнымъ электричествомъ, взаимно отталкиваются. Это расхождение шариковъ маятника указывало адресату ту букву, которую телеграфироваль отправитель. Идея Жоржа Лесажа имѣла успѣхъ, и такіе телеграфы были построены въ Германіи Рей-зеромъ (въ 1794 г.), во Франціи Ламономъ (1787 г.) и въ Испаніи Бетанкуромъ (1787 г.). Но такое устройство имѣло большое неудобство въ томъ, что между станціями приходилось устраивать слишкомъ сложную сѣть проволокъ. Въ 1796 году мадридскій врачъ Францискъ Сальва изобрѣлъ телеграфъ, который требоваль только 2-хъ проволокъ между станціями. Этотъ телеграфъ былъ устроенъ между Мадридомъ и королевскимъ увеселительнымъ замкомъ. Его устройство состояло въ томъ, что на обоихъ станціяхъ проволоки оканчивались металлическими шариками. Когда проволоки заряжались на станціи отправления, то на станціи назначенія между шариками проскакивала электрическая искра. Каждая буква у Сальвы обозначалась извѣстнымъ числомъ быстро слѣдующихъ другъ за другомъ искръ. Но всѣ такіе приборы, дѣйствовавшіе посредствомъ статическаго электричества, имѣли громадное неудобство въ томъ, что малѣйшая влажность въ воздухѣ уничтожала дѣйствія телеграфа, ибо статическое электричество требуетъ при опытахъ съ нимъ безусловно сухого воздуха; вотъ почему такіе телеграфы хорошо дѣйствуютъ въ жаркую лѣтнюю пору, но не дѣйствуютъ въ влажную погоду. Въ Испаніи, гдѣ при жарѣ въ 40° или 50° по R. воздухъ отличается необыкновенною сухостью, телеграфъ Франциска Сальвы могъ имѣть практическое примѣненіе. Между тѣмъ около этого времени уже получило общее распространеніе знаменитое тогда открытіе Вольтова столба, который послужилъ источникомъ электрическаго тока. Когда были усовершенствованы элементы, дающіе токи, то большое вниманіе физиковъ привлекло къ себѣ явленіе электролиза, т. е. разложеніе воды помощью электрическаго тока. Извѣстно, что, если пропустить токъ черезъ сосудъ съ водой, то тамъ, гдѣ входитъ положительное электричество въ воду, вода разлагается и появляются пузырь-

ки газа кислорода, а гдѣ входитъ отрицательное, тамъ выдѣляется болѣе обильно газъ—водородъ. Это явленіе электролиза дало идею мюнхенскому физику Земмерингу въ 1808 году построить телеграфъ, основанный на явленіи разложенія воды. Земмерингъ соединилъ станцію отправления со станціей назначенія двумя проводами; первый проводъ служилъ для теченія положительнаго электричества, а второй для отрицательнаго. Этотъ второй проводъ состоялъ изъ 27 проволокъ по числу буквъ алфавита, тщательно изолированныхъ шелкомъ другъ отъ друга и скрученныхъ въ одинъ толстый канатъ. Концы этихъ проволокъ на станціи назначенія были вызолочены и проходили сквозь дно ящика съ водой, оканчиваясь всѣ на одной высотѣ отдѣльно; надъ каждымъ концомъ было установлено по одному опрокинутому стеклянному цилиндрику съ водою. На станціи же отправления всѣ концы этого каната присоединялись къ металлическимъ буквамъ, укрѣпленнымъ на длинномъ горизонтальномъ стержнѣ. Въ то время, какъ первый простой проводъ всегда былъ соединенъ съ положительнымъ полюсомъ батареи, отрицательный полюсъ батареи на станціи отправления соединяли съ требуемой буквой, напримѣръ, съ буквой А, тогда на станціи назначенія въ цилиндрикѣ съ водою надъ концомъ проволоки, соединенной съ упомянутой буквой А, появлялись пузырьки газа-водорода, т. е. происходило разложеніе воды. Соединяя отрицательный полюсъ батареи съ буквой В на станціи отправления, получали разложеніе воды надъ концомъ этой-же проволоки на станціи назначенія. Такимъ образомъ составляли слова, ибо цилиндрики отмѣчались тѣми-же буквами, а кислородъ всегда выдѣлялся на концѣ перваго провода, погруженнаго въ тотъ-же ящикъ съ водою на станціи назначенія. Этотъ телеграфъ оказался неудобнымъ; на большихъ разстояніяхъ приходилось устраивать слишкомъ сильныя дорогія батареи и, кромѣ того, возможны были ошибки вслѣдствіе большого числа проволокъ, изъ которыхъ состоялъ второй проводъ. Они были неудобны для манипулированія и тоже не получили большого распространенія. Около этого времени въ изученіи электричества были произведены чрезвычайно важныя открытія. Въ 1820 году датскій физикъ Эрстедъ

открылъ, что, если пустить токъ по проволочному кольцу, внутри котораго помѣщена на остріѣ магнитная стрѣлка, то послѣдняя отклоняется отъ своего первоначальнаго положенія. Затѣмъ Араго первый нашель, что желѣзный стержень, обмотанный изолированной проволокой, приобретаетъ магнитныя свойства при пропусканіи тока черезъ обмотку. Тогда быстро появилось много проектовъ электрическихъ телеграфовъ. Такіе великіе ученые, какъ французъ Амперъ, англійскій химикъ Гумфри Деви и другіе были заняты этимъ вопросомъ въ виду его чрезвычайной важности какъ въ наукѣ, такъ и въ практической жизни. Телеграфъ Ампера былъ устроенъ такъ: на станціи назначенія находился гальванометръ, т. е. металлическое кольцо, внутри котораго помѣщалась на остріѣ магнитная стрѣлка, отклонявшаяся всякій разъ, когда со станціи отправленія пускали токъ по проволокамъ, соединеннымъ съ вышеупомянутымъ кольцомъ. Число отклоненій магнитной стрѣлки обозначало ту или иную букву алфавита. Этотъ приборъ все-таки былъ неудобенъ вслѣдствіе большой трудности не впасть въ ошибку при счетѣ отклоненій магнитной стрѣлки. Въ 1833 году предстояло одновременно дѣлать магнитныя наблюденія на астрономической обсерваторіи въ Геттингенѣ и въ физическомъ институтѣ; чтобы наблюдатели могли моментально обмѣниваться впечатлѣніями, знаменитый *princeps mathematicorum* Карлъ Гауссъ построилъ слѣдующій телеграфъ: обсерваторія и институтъ были соединены двумя мѣдными проволоками около 9000 футовъ длины. Каждый конецъ проволоки былъ обмотанъ вокругъ желѣзнаго стержня на каждой станціи. Около этого стержня висѣла на нити магнитная стрѣлка. Когда пускался токъ по проволокамъ, то желѣзо намагничивалось и притягивало стрѣлку, которая поворачивалась. Число поворотовъ вправо и влево условно обозначали буквами алфавита. Англичане Витстонъ и Кукъ усовершенствовали идею Геттингенскаго телеграфа, и онъ существовалъ въ Англій очень долго, ибо изобрѣтатели взяли на него патентъ, и онъ былъ вытѣсненъ только теперешнимъ телеграфомъ Морсе. Самуэль Морсе, американскій профессоръ физики, построилъ нынѣ дѣйствующій телеграфъ 19-го октября 1832 года въ то время, какъ ѣхалъ на бакетботѣ Сюлли, возвраща-

ясь изъ Гавра въ Нью-Йоркъ. Этотъ телеграфъ, какъ известно, состоитъ изъ 2-хъ частей; ключа на станціи отправленія и приѣмника на станціи назначенія. Приѣмникъ представляетъ вертикально утвержденный на доскѣ желѣзный столбикъ, обмотанный проволокой, по которой пускается со станціи назначенія токъ. Тогда этотъ столбикъ приобретаетъ магнитныя свойства и притягиваетъ къ себѣ расположенную сверху него стальную пластинку, имѣющую посрединѣ неподвижную точку такъ, что когда половина ея притянется къ столбику, то другая поднимется къверху. На этомъ концѣ возвышается острый гвоздикъ, который тогда дѣлаетъ уколъ на бумажной лентѣ, движущейся посредствомъ особаго часового механизма. Если токъ длится одно мгновение, то гвоздикъ дѣлаетъ точку, если дольше, то на бумажной лентѣ получается черточка. Изъ этихъ точекъ и черточекъ составлена особая азбука. Замыканіе тока на станціи отправленія производится ключемъ, который состоитъ изъ маленькаго рычага, поддерживаемаго въ горизонтальномъ направленіи пружинкой. На концѣ рычажка внизъ идетъ острие, которое, если рычагъ надавить, соприкасается съ металлической пуговкой на доскѣ, служащей основаніемъ для рычага. Когда желаютъ пустить токъ, то придавливаютъ острие къ пуговкѣ и токъ проходитъ, ибо проводъ отъ батареи идетъ къ острию, а затѣмъ отъ пуговки идетъ дальше по направленію къ станціи назначенія. Быстрый нажимъ рычага на станціи отправленія производитъ точку на бумажной лентѣ на станціи назначенія, болѣе же продолжительный—черту. Телеграфъ Морсе оказался настолько удобнымъ, что очень быстро получилъ самое обширное распространеніе. Вотъ въ краткихъ чертахъ тотъ длинный и трудный путь, по которому шла человѣческая мысль, стремясь найти самый удобный и быстрый способъ сообщаться другъ съ другомъ на громадныхъ разстояніяхъ. Теперь можно сказать безъ преувеличенія, что во всѣхъ культурныхъ странахъ нѣтъ ни одного мало-мальски населеннаго мѣста, которое не было-бы соединено телеграфомъ со всѣми промышленными, научными и административными центрами.

(Продолженіе буд.).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отъ Правленія Полтавской духовной семинаріи.

Указомъ Святейшаго Синода отъ 21 іюля сего года Правленію Полтавской духовной семинаріи разрѣшенъ обратный пріемъ воспитанниковъ семинаріи въ августъ сего года, на слѣдующихъ условіяхъ: I. всѣ уволенные воспитанники 1, 2, 3 и 4 классовъ должны подать прошенія въ Правленіе семинаріи объ обратномъ ихъ пріемѣ къ 15 августа, послѣ чего должны явиться въ г. Полтаву къ 1-му Августа для сдачи экзаменовъ: а) воспитанники 1-го класса—по ариметикѣ и письменныя работы (сочиненіе и диктантъ); б) 2-го класса—сдать письменныя работы (диктантъ и по словесности) и экзамены по св. Писанію, исторіи и математикѣ по программамъ 1-го класса; в) 3-го класса—сдать письменныя работы (диктантъ и по св. Писанію) и экзамены по св. Писанію, словесности и математикѣ за 2-й классъ и г) 4-го класса—сдать письменныя работы (диктантъ и по гражданской исторіи) и экзамены по св. Писанію, исторіи литературы, психологіи и математикѣ за III-й классъ. II. Какъ передержки, такъ и экзамены для обратнаго пріема уволенныхъ воспитанниковъ семинаріи начинаются 17-го Августа. III. Молебень предъ началомъ занятій 8-го сентября, а регулярныя занятія въ семинаріи начнутся 9-го Сентября 1910 года. IV. *Явка* воспитанниковъ семинаріи *обязательна* 7-го, а для поступающихъ изъ духовныхъ училищъ 6-го сентября сего года.

СОДЕРЖАНІЕ —I. Надъ Евангеліемъ.—II. Изложеніе и разборъ социализма.—III. Истины Христіанской религіи въ творчествѣ Л. Андреева.—IV. Рѣдкое торжество въ с. Мильцахъ.—V. Кременчугскіе старообрядцы и обращеніе ихъ въ единовѣріе.—VI. Успѣхи телеграфіи.—VII. Объявленія.

Редакторы, преподаватели семинаріи: { *В. Терлеукий.*
В. Конопатовъ.

Печ. съ разр. мѣстн. дух. цензуры 10 Августа 1910 года.
